

«Катализатор» написан исключительно хорошо, персонажи достоверны, сюжет убедителен вплоть до непредсказуемой концовки.

Goodreads

DEAD SPACE

Книга 2

КАТАЛИЗАТОР

Б. К. ЭВЕНСОН

Dead Space

Брайан Эвенсон

Dead Space. Катализатор

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Эвенсон Б. К.

Dead Space. Катализатор / Б. К. Эвенсон — «Азбука-Аттикус», 2012 — (Dead Space)

ISBN 978-5-389-13853-7

Жизнь Иштвана и Йенси Сато под куполом с искусственной атмосферой не отличалась разнообразием: школа, игры, дом с не любящей сыновей матерью. Старший из братьев, Иштван, был не от мира сего, временами он глубоко погружался в себя, видел вещи, которых больше не видел никто, и Йенси приглядывал за ним, выручал из переделок. Пути братьев разошлись после того, как их мать угодила в психиатрическую лечебницу. Йенси окончил школу и стал пилотом, Иштван надолго пропал из его поля зрения и вновь напомнил о себе, застрелив при большом стечении народа известного политика. Безо всякого суда Иштвана упрятали в секретную тюрьму на далекой необитаемой планете. Йенси не может себе простить, что не защитил брата, и отправляется на его поиски. Новый роман по мотивам культовой видеоигры «Dead Space». Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-13853-7

© Эвенсон Б. К., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Брайан К. Эвенсон

Dead Space. Катализатор

Brian Evenson

DEAD SPACE™: CATALYST

Copyright © 2012 by Electronic Arts, Inc.

All rights reserved

Published by arrangement with Tom Doherty Associates, LLC

© Т. Матюхин, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть 1

1

В детстве Йенси Сато и не догадывался, что с его братом что-то не в порядке. Сколько он помнил, Иштван всегда был такой: слегка не в себе, помешанный на цифрах и узорах, замороженно глядящий на игру света и тени. Периодически с ним случались вспышки внезапной ярости, а бывало, он вдруг полностью уходил в себя. Возможно, изменения накапливались постепенно, и Йенси, каждый день находясь рядом, просто не замечал, насколько брат стал другим.

Мальчишками они всегда играли вместе, проказничали вдвоем. Голова у них вечно кружилась от разреженного искусственного воздуха купола, в котором они жили на Виндоге. Вообще говоря, проказы затевал Иштван – старший брат, а Йенси во всем его поддерживал. Йенси это нравилось. И хотя он не всегда понимал поступки брата, но с радостью убегал из опостылевшего дома, подальше от матери.

Годам к двенадцати Йенси начал замечать, насколько брат не похож на других людей. По большей части Иштван не знал, как вести себя с окружающими, не мог с ними разговаривать, сталкивался с полным непониманием. Йенси видел, какими странными взглядами другие мальчишки награждали Иштвана, как сторонились сначала его, а потом и обоих братьев, и в скором времени они оказались предоставлены самим себе.

Нет, сказать, что Иштван был с какими-то отклонениями, значило бы упростить ситуацию, потому что в целом поведение его было нормальным. Он мог при необходимости справиться с житейскими трудностями; обычно у него не возникало особых проблем и в общении, но недолго и на простые темы. Но стоило провести с ним чуть больше времени, и он начинал казаться странным. Иштван жил в собственном мире, вечно был заиклен на каких-то формах, узорах, которые видел вокруг, в то время как его брат часто ничего не замечал. Иштван мало интересовался другими людьми, не обращал на них особого внимания. Его никогда не заботило, что окружающие думают о нем, он ничего не боялся. Если он к кому и прислушивался, так это только к Йенси, лишь изредка и с большой неохотой соглашаясь не влезать в очередную неприятность.

Однажды – Йенси тогда было двенадцать – они бродили по своему району в поисках какого-нибудь занятия. Купол Маринер-Вэлли был отделен шлюзом от прочих, больших по размерам, куполов, которые образовывали остальную часть города, и лишь позже Йенси докопался до причины: их семья обитала в районе для малоимущих, куда постепенно вытесняли отбросы общества Виндоги.

И вот они наткнулись на компанию из полудюжины ребят на несколько лет младше их с братом. Все они сгрудились возле наружной стены купола в том месте, где внутренняя стенка треснула и сделалась непрозрачной. Там образовалась небольшая утечка воздуха, но ее быстро компенсировали кислородные генераторы. Мальчишки подначивали друг друга подойти ближе. Один из них задерживал дыхание, подбегал к стене купола и, дотронувшись до затемненного участка, стремглав кидался обратно. Остальные одобрительно хлопали его по спине и начинали подталкивать другого мальчика, пока он не повторял то же самое.

– И во что это вы здесь играете? – поинтересовался Иштван, не адресуя вопрос никому конкретно и в то же время обращаясь ко всем.

Большинство мальчиков просто отвели глаза, будто и не слышали ничего. Один, самый крупный, пожал плечами:

– Развлекаемся от нечего делать.

– Но это ведь даже не опасно, – заявил Иштван. – Разве прикольно делать вид, будто это опасно, хотя ничего особенного в этом нет?

Йенси положил руку брату на плечо:

– Пойдем. Отстань от них. Пошли отсюда.

Но Иштван только отмахнулся.

– Эй, а не желаете сыграть в настоящую игру?

Тот же самый парень возразил:

– Это и есть настоящая игра.

– Нет! Нельзя просто подбежать к стене и потом улепетывать обратно. Она просит, чтобы вы ее поправили. Вот в какую игру она хочет сыграть с вами. Разве вы не видите, что ее форма неправильная?

– Неправильная? – подал голос один из мальчишек. – Ты о чем это?

Иштван указал на поврежденный участок купола. Ребята, и Йенси с ними, проследили за его жестом.

«И как это форма повреждения может быть правильной или неправильной? – недоумевал Йенси про себя. – Что такого увидел там брат?»

– Хотите увидеть настоящую игру? – продолжал допытываться Иштван.

Мальчики сбились в кучу, скрестили руки на груди и молча ждали продолжения.

– Ну же, – Йенси снова потянул брата за рукав, – пойдем.

– Не важно, хотите вы увидеть или нет, но она желает поиграть.

С этими словами он пригнулся, сцепив руки за спиной. Потоптался по замусоренной земле, а потом вдруг закричал и ринулся вперед.

Мальчишки бросились врассыпную, но Иштван нацелился не на них. Он промчался мимо, не удостоив их и взглядом, и на полной скорости врезался в поврежденный участок стены, с силой ударившись о нее лбом. У Йенси сердце подпрыгнуло в груди.

Послышалось шипение, щель чуть расширилась, а потемневший участок увеличился в размерах. Впрочем, особых повреждений стене Иштван, к счастью, причинить не смог, чего нельзя было сказать о нем самом. Он скорчился на земле, по лбу растекалась кровь. Разбежавшиеся было ребята вернулись и застыли на некотором отдалении. Йенси подскочил к брату и опустился рядом с ним на колени.

– Иштван, – позвал он брата и потряс за плечо. – Иштван! Ну зачем ты это сделал?

Кровь медленно стекала со лба Иштвана. Некоторое время глаза его оставались тусклыми и бессмысленными, но наконец взгляд сфокусировался на младшем брате. А затем он улыбнулся и неспешно повернулся к поврежденному участку стены.

– Вот теперь у нее правильная форма. Теперь мы знаем, что там такое на самом деле.

Позднее Йенси пытался расспросить брата о случившемся, однако тот не смог ничего толком объяснить. Мозг Иштвана вечно был переполнен непонятными образами, проследить за его умозаключениями было очень трудно, и Йенси редко это удавалось. По заверениям брата, трещина в куполе просто позвала его. Он взглянул на нее и понял, что она хочет и что нужно сделать, чтобы все исправить.

– Ну и какого черта это значит? Что ты должен был исправить?

Иштван попробовал объяснить, но не смог. Чем больше он пытался придать смысл своим действиям, рассказать, что же было у него на уме, тем сильнее путался в словах, так что Йенси остановил его:

– Послушай, все это звучит как полный бред. Никому об этом не рассказывай.

И в кои-то веки брат послушался и замолчал. Так надежда разобраться в поступках Иштвана окончательно умерла.

А эта история случилась, когда Йенси исполнилось четырнадцать. Несколько девочек играли в старинную игру, о которой одна из них узнала из видеотеки. Мелом они начертили на земле ряд пронумерованных квадратов, через которые нужно было прыгать, соблюдая заранее оговоренный порядок. Девочки столпились возле нарисованных классиков и спорили о том, в какие квадраты наступать, а в какие нет. Иштвана словно магнитом притянули к себе цифры внутри квадратов. Он быстро крутил головой в разные стороны, а потом просто прошел сквозь девчачью компанию, словно и не заметил их. Одну девочку он буквально смел со своего пути, раскидал сложенные кучкой камушки, раздавил мелок. Девочки громко закричали. Та, которую он уронил, заплакала, показывая всем ободранный локоть, но Иштван уже заворуженно устоял на классики. Он осторожно шагнул на один из квадратов, перескочил в другой, потом отпрыгнул назад, следуя лишь одному ему ведомой сложной схеме. Наконец добрался до верха нарисованной фигуры и снова осторожно отступил.

В то же мгновение Иштван застыл, будто парализованный, и устоял на неровный участок земли за классиками. Не зная, что еще предпринять, Йенси подошел к брату:

– Ты поступил плохо.

Но Иштван не отвечал. Он опустил на корточки и повел пальцем по земле, выводя на ней замысловатую фигуру.

Окончательно рассердившийся Йенси ударил брата по плечу:

– Эй, ты почему так вел себя с девочками?

– Разве ты не видишь? – соизволил ответить Иштван. – Они нарисовали правильный узор, и вот он привел меня сюда.

С сияющими от восторга глазами он еще раз очертил пальцем фигуру. Йенси прищурился и с большим трудом смог разобрать, что же так привлекло внимание брата. Этот участок земли чуть отличался от соседних, просто пятно, едва-едва выделяющееся на окружающем фоне и по форме напоминающее клык животного.

– Она совершенна, – медленно произнес Иштван и снова потянулся к завожужавшей его фигуре.

– Да что же с тобой происходит? Это ведь просто земля.

– А? Что такое?

Казалось, он выходит из оцепенения. Иштван вскочил на ноги, обернулся и поглядел на девочек. Те все еще были рассержены, но, по крайней мере, больше не кричали.

– Чего это с ними? – недоуменно спросил Иштван.

– Ты испортил им всю игру.

– Я? – Иштван казался искренне озадаченным, словно и в самом деле ничего не помнил. Несколько секунд он стоял, уставившись на девочек, потом черты его лица отвердели. – Да они не представляли, во что играют! Только я это знаю!

Сколько раз Йенси просыпался посреди ночи в их общей спальне оттого, что брат разговаривал во сне. Он бормотал что-то бессвязное, но все же в этом бормотании можно было различить повторяющийся вновь и вновь набор слов. А бывало, Иштван сидел на краю постели, находясь между сном и бодрствованием, раскачивался монотонно взад-вперед и бесконечно повторял последовательность цифр. Голос его в эти минуты звучал так, словно Иштван молился. Так оно и было: его очаровывали цифры и фигуры. Сводили с ума, были для него почти как люди, только люди интересовали Иштвана меньше. Кроме того, он едва ли не с младенчества здорово разбирался в компьютерах, уже в девять лет взламывал сайты и обучил этому брата. Но было также и это бесконечное бормотание.

– Иштван? – шепотом звал его младший брат.

Но Иштван не слышал.

Порой Йенси везло, и брат сам прекращал бубнить. Чаще же казалось, что он может раскачиваться так на кровати вечно. Йенси вставал и тряс его, но и это не всегда помогало. Иштван будто бы находился где-то в другом месте, словно на некоторое время покидал собственное тело, и иногда возвращения приходилось дожидаться очень долго.

«Мне следовало догадаться, – размышлял Йенси, когда вырос. – Я должен был понять, насколько все с ним плохо. Должен был сообразить, насколько у него поехала крыша. Почему же я не попытался помочь? Я должен был спасти его».

«Но как, – вопрошала та часть его сознания, чей голос он пытался заглушить, – как ты мог это знать?» Ведь он же был младшим братом и, в сущности, мало что мог бы сделать. А мать... Она не верила врачам и полагала, что Господь сам во всем разберется и не следует ему мешать. На самом деле Йенси пытался донести до матери, что с Иштваном не все в порядке, но всякий раз натыкался на ее непонимающий взгляд.

– Не в порядке? – переспрашивала мать. – Ну разумеется, с ним не все в порядке. Он – зло.

– Нет, – возражал Йенси, – это внутри его. У него не все в порядке с головой.

– Зло находится внутри его, – бормотала мать. – Его нужно изгнать.

И Йенси со страхом понимал, что сам дает матери повод сделать брату больно.

Но когда Иштван вырос и стал сильнее, мать постепенно отстала от него. Она осыпала сына проклятиями из другого конца комнаты, говорила, какой он ужасный, но больше его не трогала. Немного побаивалась его. А это значило, что она больше не дотрагивалась даже пальцем и до Йенси. Мать все глубже уходила в себя, хотя, возможно, и прежде она была такой отрешенной, да только Йенси этого не осознавал. Не мог ли Иштван унаследовать свою болезнь (или что это было) от нее? Может, какое-то генетическое отклонение? И не означало ли это, что и с Йенси может однажды произойти то же самое? Нет, он не желал быть похожим на мать. И не хотел быть таким, как брат, хотя любил Иштвана и чувствовал ответственность за него. Иштван всегда заботился о младшем брате. А теперь, когда Иштван становился все более странным и отчужденным, возможно, наступила очередь Йенси? Теперь он должен позаботиться о своем брате.

Иштвану исполнилось семнадцать, а Йенси – пятнадцать, когда дела пошли по-настоящему плохо. Началось все с матери.

В тот день мальчишки возвращались домой вечером, после того как весь день шатались по Маринер-Вэлли. Подойдя к своей квартире, они обнаружили, что входная дверь распахнута настежь, а в прихожей на полу валяются ключи матери. Братья открыли дверь в комнату и увидели разбросанные по полу пакеты продовольственной помощи, а среди них лежала мать. Ее сотрясала судорога.

Йенси склонился над матерью, попытался перевернуть на спину, но не смог. Тело одеревенело и не поддавалось.

Он позвал брата:

– Иштван, помоги!

Но Иштван не сдвинулся с места. Он даже не смотрел на мать, не в силах отвести взгляд от пакетов. С губ его срывалось невнятное бормотание, а рука, словно механическая, чертила в воздухе какую-то фигуру.

– Иштван! – снова крикнул Йенси. – Помоги же!

Но Иштван находился в трансе, загипнотизированный узором, который образовали рассыпанные пакеты. Он продолжал бубнить себе под нос, а глаза неотрывно следовали

за очертаниями узора на полу. Потом он уставился прямо перед собой и замер. На губах матери тем временем выступила розоватая пена. Между чуть приоткрытыми губами Йенси рассмотрел прокушенный язык.

– С ней что-то серьезное.

Когда брат и в этот раз никак не отреагировал, он проорал ему прямо в ухо:

– Иштван!

Тот вздрогнул, помотал головой и посмотрел на пол. На лице его застыло непроницаемое выражение.

– Она, наверное, умирает.

– Да, – согласился Иштван, но даже не пошевелился, чтобы помочь. – Ты не видишь его? – медленно добавил он.

– Кого?

– Призрачного человека. Он ее душит.

«Призрачный человек?»

– Иштван, – стараясь сохранять спокойствие, сказал Йенси, – подойди к видеофону и вызови врачей.

И так же медленно, словно лунатик, не отрывая взгляда от пакетов на полу, Иштван отправился звонить в «скорую».

Пока не приехала врачебная бригада, Йенси сидел, обхватив мать за плечи, пытался говорить с ней, гладил по лицу. Массировал ей челюсть до тех пор, пока она не расслабилась и язык не высунулся наружу. Тогда он повернул ее голову набок, чтобы мать не захлебнулась собственной кровью. Иштван же, вызвав «скорую», застыл в противоположном углу комнаты, стоял там и смотрел. Подойти ближе он отказывался.

«Призрачный человек? – продолжал недоумевать Йенси. – Что он хотел этим сказать? Совсем с катушек съехал».

Позднее, когда мать увезли в больницу, Йенси пришло в голову, что, не оказись он рядом, Иштван спокойно позволил бы родной матери умереть.

Иштван прошел в комнату и замер, почти не дыша. Там был тот самый узор, который он видел столько раз прежде, видел снова и снова. Он мерцал и ждал, когда кто-нибудь появится, увидит его и соберет воедино... ждал, чтобы именно Иштван пришел и собрал его, поскольку окружающий мир обращался к Иштвану иначе, чем к остальным людям. Там, на полу, распростерлась его умирающая мать, но это не имело значения. Мать не имела значения. Она не являлась частью узора, ничего не говорила об истинном мире, а только служила досадной помехой.

Нет, значение имели те предметы, которые она принесла домой, важно было то, как пакеты с продовольствием, выпав из ее рук, рассыпались по полу и каждый занял положенное ему место. Вот так обстояло дело. Они говорили с Иштваном. Показали ему грубый набросок чего-то другого, скрытого и неизмеримо более величественного. Он чувствовал это, но не мог постичь до конца, так как сокрыто оно было глубоко-глубоко. Ему оставалось лишь изучать причудливую композицию из пакетов, которая намекала на великую тайну. И она была совсем рядом, но оставалась такой же неуловимой.

Или нет? Что-то начало проясняться.

Иштван стоял не шевелясь. Задержал дыхание. Сосредоточил все внимание на воображаемых линиях, соединяющих пакеты и складывающихся в замысловатый узор. Теперь он начинал замечать сияние этих линий. Завеса, укрывающая истинный мир, постепенно приподнималась, и он мог заглянуть за нее.

Брат что-то говорил Иштвану, звал его, но он ничего не слышал, не обращал на Йенси внимания. Это было не важно, значение имело только то, что происходило в действительности.

Теперь Иштван мог различить, как между линиями начинает проявляться некая фигура. Тень, которую он поначалу принял за свою. Но так ли это было? Вроде бы тень ему не принадлежала. Казалось, он отбрасывает ее, но в то же время она существовала самостоятельно. Тень являлась его собственным творением. Она переплелась с окружающими предметами и вдруг склонилась над телом матери. Это была тень, и в то же время человек. Призрачный человек.

Иштван протянул руки, хотел до него дотронуться, но в это самое мгновение тень также шевельнулась и обхватила руками шею лежавшей на полу женщины. Затем призрак повернул свою бесплотную голову к Иштвану и произнес:

– Смотри. Вот как ты это сделаешь. Вот как ты убьешь ее.

Иштван слышал, как брат кричит его имя, но не мог и рукой пошевелить. Призрачный человек с улыбкой на лице душил их мать, однако больше не произнес ни звука. Почему же он замолчал?

«Она умирает!» – услышал Иштван далекий голос и понял, что принадлежал он не человеку-тени, а его собственному брату.

Усилием воли Иштван заставил себя заговорить:

– Ты не видишь его?

Но когда он попытался объяснить брату, что увидел, тот ничего не понял – как и много раз до этого. Йенси не хватало правильного понимания мира, и Иштван был здесь бессилён. Мало-помалу он покинул чудесный мир форм и образов, так любимый им и отвечающий на его любовь, и вернулся в обыденный мир, в котором не была различима истинная суть вещей, а лишь внешняя их сторона. И здесь он увидел лежавшую на полу мать. К сожалению, еще живую.

К тому времени, когда приехала «скорая» и мать увезли, Иштван, казалось, пришел в норму, по крайней мере, стал таким, каким был обычно. Мать продержали в больнице день, а потом надели на нее смирительную рубашку и отправили в психиатрическую лечебницу. Врачи объявили, что так для нее будет лучше. К братьям явилась сурового вида пожилая дама, социальный работник, которая сообщила, что теперь они находятся на попечении государства.

– Но мне уже почти восемнадцать, – возразил Иштван, у которого как раз случился момент просветления. – Мне не требуется опекун.

– «Почти» не считается, – парировала дама. – Требуется.

Однако она допустила ошибку: нужно было немедленно забирать ребят с собой, но она оставила их на несколько минут одних. Едва дама вышла из комнаты, Иштван начал спешно готовиться к побегу. Из шкафа он вытащил старенький запачканный рюкзак и набил его одеждой. Потом стал, не глядя, запихивать туда всяческую еду из кладовки, в том числе и то, что никогда бы не стал есть. Оставшиеся продукты он аккуратно расставил и разложил по полочкам, следуя одному ему известной логике. Йенси стоял и напряженно думал. Несомненно, брат сейчас пребывал в собственном мире и мозг его был занят лишь одним – побегом. Йенси только следил за действиями брата и ощущал все большую безысходность.

Закончив паковать рюкзак, Иштван застегнул молнию и взглянул на брата:

– А ты почему не собираешься?

– Куда ты намылился? – в свою очередь поинтересовался Йенси.

– Слышал, что сказала эта женщина? Она хочет отдать нас кому-то. Нам придется жить в другой семье, и они будут такие же, как мать, только хуже, потому что мы для них никто.

– Почему сразу хуже? Может, они будут лучше.

Иштван покачал головой:

– Они как раз и хотят, чтобы ты так думал. Так тобой и вертят всякий раз.

«Так тобой и вертят всякий раз», – повторил про себя Йенси.

Вот только братом никто не вертит, он сам ищет себе проблемы. И еще он считает, что им не требуется опекун, что он сам будет для себя опекуном, а то и для них обоих. Он о себе-то не может позаботиться, что уж говорить о других.

– Пойдем, – позвал Иштван. – Собираться уже некогда, они вот-вот появятся. Придется тебе двигать как есть. Так говорит комната.

– Комната?

Иштван сделал неопределенный жест:

– Разве ты не видишь? Не чувствуешь?

Позднее Йенси осознал, что в тот миг определилась вся его дальнейшая судьба. Перед ним встал выбор: пойти с братом и оказаться вместе с ним в том искаженном мире, в Зазеркалье, существующем в голове Иштвана, либо же и дальше держаться привычного порядка вещей. Ужаснее всего было то, что Йенси, несмотря на молодость, понимал: какой путь ни выбери, он так или иначе окажется неверным. В обоих случаях придется что-то потерять.

– Пойдем же, – снова нетерпеливо позвал Иштван.

– Я... – замялся Йенси. – Но я...

– Да что с тобой такое? Не видишь разве, что здесь происходит?

Но все дело было в том, что Йенси как раз видел. Если пойти с братом, ничем хорошим это не закончится. Пусть даже сам Иштван этого и не сознает.

– Я не могу с тобой, – наконец пробормотал он, избегая глядеть брату в глаза.

– Можешь, – возразил Иштван, в то время как взгляд его метался по комнате. – Нет ничего проще. Тебе надо всего лишь открыть дверь и выйти.

– Нет. Прости, но не могу.

Несколько секунд Иштван без всякого выражения смотрел на брата, потом в глазах его что-то промелькнуло, – очевидно, он наконец осознал, что говорит брат, – а лицо исказила гримаса неподдельного отчаяния.

– Значит, ты бросаешь меня? – чуть слышно всхлипнул Иштван.

У Йенси сердце разрывалось на части, и он с трудом проговорил:

– Нет. Послушай, останься. Останься со мной. Все будет в порядке.

Но он прекрасно понимал, что для брата это так же невозможно, как для него самого невозможно уйти. Иштван постоял немного с потрясенным видом, потом закинул рюкзак на плечо и вышел из комнаты. Йенси остался один.

2

Опекуншу, которую назначил для Йенси суд, нельзя было назвать плохой, но и хорошей тоже. Она была из тех, о ком мать сказала бы «ни рыба ни мясо», однако Йенси это вполне устраивало. С такой опекуншей он мог ужиться, мог поладить с ней. Впервые в жизни ему не приходилось задумываться о том, что будет есть на обед и будет ли вообще.

Йенси с головой погрузился в учебу, и неожиданно выяснилось, что ему это нравится, так что он стал едва ли не первым учеником в классе. Ребята перестали сторониться его, некоторые даже осмеливались заговорить с ним.

Среди них выделялся парень по имени Генри Уондри. Поначалу он просто крутился возле Йенси, молча стоял неподалеку от него на переменах, садился напротив во время ленча, но завести разговор или хотя бы взглянуть в глаза не осмеливался. Бывало, несколько кварталов шел следом за Йенси, когда тот возвращался из школы домой. Первое время Йенси

просто мирился с этим, потом привык, а затем ему стало это нравиться. Он уже обращал внимание, когда Генри не было поблизости.

Однажды за ленчем Йенси наконец не выдержал и спросил:

– Ну что?

– Ничего.

Они помолчали, потом Генри продолжил беседу:

– Тебе какая музыка нравится?

Йенси задумался. Музыка? Что он вообще знает о музыке? Он беспомощно пожал плечами:

– А тебе?

Генри выпалил с десяток названий групп, а когда Йенси ничего не сказал в ответ, попытался объяснить, какую музыку исполняет каждая из этих команд. Выяснилось, что у него это здорово получается. Он умел рассказывать очень живо, так что создавалось полное впечатление, будто по-настоящему слушаешь музыку. С удивлением Йенси понял, что слушает его с удовольствием. Казалось, после долгого молчания Генри теперь уже не остановится и будет говорить бесконечно. Позже, взяв у Генри записи тех исполнителей, о которых он рассказывал, Йенси убедился, что описание было поразительно точным.

Генри стал его первым настоящим другом, если не считать брата. Хотя разве можно считать родного брата другом? Как же так получилось: дожить до пятнадцати лет и только потом найти товарища? Йенси даже обиделся на Иштвана, из-за которого испытывал чувство вины. Вот он сейчас живет беззаботной жизнью, с хорошим опекуном, у него появился друг, а брат бродит где-то один, неприкаянный.

Несколько раз он видел Иштвана, как правило издалека, но однажды – вблизи. Брат, казалось, не узнал Йенси и прошел мимо. Йенси хотел его догнать, заговорить, но не нашел в себе сил для этого. Похоже, брату не было до него никакого дела. Правда, позже Йенси задумался: что, если Иштван просто глубоко погрузился в свой особый мир цифр и образов, погрузился настолько глубоко, что не заметил брата?

Так Йенси и жил. Словно качался на качелях: сегодня все было замечательно, а назавтра он чувствовал себя виноватым. И так повторялось изо дня в день.

Прошло несколько месяцев, и Йенси уже настолько доверял другу, что решился рассказать про Иштвана.

– Это твой брат?

Ему приходилось видеть Иштвана, в основном мельком, и он решительно не знал, что о нем думать.

– У меня такое чувство, что я должен ему помочь, – сказал Йенси.

Генри кивнул:

– Ну разумеется. Он твой брат. Ты и должен так чувствовать.

Он пожал плечами и задумчиво прибавил:

– Но что ты можешь сделать?

Полгода они не возвращались к этой теме, но вот однажды, по пути из школы, Йенси заговорил с другом о прежнем своем доме, в котором жил с братом и матерью. Попытался описать его так же живо, как это делал Генри, – шла ли речь о музыке или о любых других предметах, – но обнаружил, что не способен на подобное красноречие. Хотя товарищ терпеливо его слушал и даже заинтересовался рассказом, ничего у Йенси не выходило. Он продолжал путаться в словах и не мог создать из них понятную Генри картину. В конце концов он отчаялся и замолк.

Не дождавшись продолжения, Генри заметил:

– А ты бы просто показал мне свой старый дом.

«Почему бы и нет?» – подумал Йенси.

Подумано – сделано. Они свернули, прошли с милю и оказались у шлюза, ведущего в Маринер-Вэлли.

Оператор, в чьи обязанности входило открывать и закрывать двери шлюза, с недоумением уставился на них:

– Уверены, что хотите туда? Два таких милых мальчика. – Он пошевелил встопорщенными усами и прибавил: – Район там неблагополучный.

– Я жил там, – сообщил Йенси.

Оператор сморщил нос и пробурчал:

– Если бы я когда-то жил в этом гадюшнике и выбрался из него, не думаю, что захотел бы туда вернуться.

Однако он пропустил их. Ребята посмотрели, как за ними закрывается тяжелая дверь, и пошли вперед – тридцать метров до следующей двери. Когда они добрались до нее, Йенси начали одолевать сомнения. У него теперь была новая жизнь, о прошлом не стоило вспоминать. Почему же он вдруг решил привести сюда Генри?

Дверь распахнулась, и друзья вышли наружу. Для Йенси все вокруг выглядело таким привычным, знакомым – и в то же время чужим. В нем самом произошли перемены, и теперь Йенси воспринимал окружающую обстановку такой, какой она и была в действительности, – трущобы. Шлюз служил для того, чтобы в случае беспорядков отсечь Маринер-Вэлли от других куполов. Сейчас Йенси мог сравнить улицы, которые казались ему совершенно нормальными в детстве, с теми, на которых проходила его сегодняшняя жизнь. Грязь, запустение и убожество – вот что он увидел перед собой.

– И ты жил здесь? – удивился Генри.

Йенси только пожал плечами. Мгновение он колебался: может, повернуть назад, пройти через шлюз и вернуться к нормальной жизни? Но тут Генри спросил:

– Так где была ваша квартира?

Йенси провел друга по крошащимся бетонным ступеням, затем по коридору с облупленными стенами и растрескавшимся полом, и наконец они очутились у двери его бывшей квартиры. Исцарапанная дверь с отстающей краской производила тягостное впечатление. Йенси не знал, что делать дальше, а Генри, похоже, еще не надоело приключение, и назад он не собирался. Помимо всего прочего, на дверь была наклеена полицейская лента с надписью «Не входить!» Йенси очень удивился. Странно, что за прошедшее время никто не въехал в квартиру.

Однако, присмотревшись внимательнее, Йенси заметил, что лента аккуратно надорвана и дверь только на первый взгляд кажется надежно опечатанной. Генри, видимо, также обратил на это внимание. Он взялся за дверную ручку и тихонько нажал.

Дверь медленно приоткрылась. В тусклом свете ребята увидели большую гостиную, почти пустую. Убранство комнаты составляли колченогая кушетка, небольшой видеоэкран с отколотым уголком да самодельный кофейный столик. Некогда братья соорудили его из небольшого бракованного контейнера; они нашли его на помойке и долго трудились, чтобы придать нужную форму. Обои на стенах выцвели, а в углах уже выросла плесень, хотя, возможно, это была просто пыль.

– Пожалуй, не стоило приходить сюда.

Нахлынувшие на Йенси воспоминания были буквально осязаемы и в большинстве своем – малоприятны.

– Да все в порядке, – ответил Генри. Он уже успел осмотреться. – Тут никого нет. А если кто и придет, отбредемся как-нибудь.

Да, для Генри все происходящее представлялось игрой.

И тут Йенси заметил цепочку следов, протянувшуюся в пыли от входной двери к расположенной в глубине спальне. Их с Иштваном спальне. И из щели под дверью пробивался свет.

Он схватил приятеля за руку.

– Что такое? – Генри попытался высвободиться.

– Тише, – прошептал Йенси. – Кажется, здесь кто-то есть.

Если бы только он развернулся и ушел, все могло бы сложиться иначе. Но он этого не сделал. Почему? Вероятно, потому, что с ним был Генри, которому все происходящее казалось не более чем приключением. Когда же обнаружилось, что в спальне кто-то есть, приключение стало вдвойне захватывающим. С того момента, когда ребята увидели на двери полицейскую ленту, напряжение все росло и росло. Они пробрались в квартиру тайком и теперь оказались в весьма неприятной ситуации, хотя, с точки зрения Генри, в худшем случае их могли отругать и вышвырнуть вон. Или, при самом неблагоприятном исходе, хозяин квартиры сдаст их в полицию за незаконное проникновение в чужое жилье, и там с ними проведут воспитательную работу.

Однако Йенси, выросший в этом районе, знал, что все может выйти гораздо хуже. Окажется в спальне какой-нибудь уголовник – и хорошо, если их только отметелят, а то могут ведь и убить.

Так что, когда Генри смело направился к двери, Йенси не поспешил за ним. Он смотрел, как друг идет через комнату, оставляя в пыли на полу новую цепочку следов, и останавливается перед спальней. В голову Йенси пришла успокоительная мысль: а вдруг там никого нет? Что, если кто-то приходил и ушел, не погасив свет? Но в ту секунду, когда Генри взялся за ручку, Йенси понял, что просто обманывает самого себя.

И в самом деле, не успел его товарищ открыть дверь, как та распахнулась сама, из комнаты высунулась грязная рука и мгновенно втащила Генри внутрь.

Йенси повернулся и кинулся было к выходу из квартиры, но тут же сообразил: а бежать ведь некуда. Кому он расскажет о случившемся? Придется сначала добраться до шлюза, а потом – в благополучную часть города. И тогда станет уже слишком поздно. К моменту возвращения Йенси его друг, скорее всего, уже будет лежать бездыханный на полу или же его унесут неизвестно куда.

И поэтому Йенси, не успев выскочить в коридор, затормозил и вернулся в свою бывшую квартиру. «Ты же здоровый парень, силой тебя природа не обделила, – подбадривал он себя. – И потом, ты вырос здесь и умеешь драться». Если внезапно ворваться в комнату, с ходу атаковать того, кто там засел, у них с Генри появится шанс выбраться из этой переделки.

На цыпочках Йенси подкрался к двери и осторожно нажимал на ручку до тех пор, пока язычок замка не выскочил из паза. Изнутри доносился чей-то настойчивый шепот. Сделав глубокий вдох, Йенси с силой толкнул дверь и ворвался в спальню со сжатыми кулаками, готовый к драке.

Отвратительного вида мужчина стоял на коленях, придавив Генри к полу и зажимая ему рукой рот. От мужчины воняло, волосы были сальные, спутанные в колтуны, кожа была нездорового оттенка.

– Кто тебя послал? – громким шепотом спросил неизвестный.

При этом он не отнимал ручищу от лица Генри, так что тот и ответить-то не мог.

– Чего они от меня хотят? Почему преследуют?

Тут Йенси набросился на мужчину и с такой силой заехал ему в ухо, что тот потерял равновесие, отшатнулся, и Генри смог откатиться в сторону.

В следующее мгновение мужчина повернулся, и Йенси с удивлением понял, что это лицо ему знакомо.

Это был Иштван.

Но если Йенси узнал брата, то на лице Иштвана ничего не отразилось. Взгляд был остекленевший, можно даже сказать – безумный. Брата словно и вовсе здесь не было. Словно присутствовало только его тело, а управлял им кто-то другой. Или что-то другое.

Генри удалось встать на ноги. Иштван за это время пришел в себя, прислонился к стене и обнажил в злобещей ухмылке зубы.

– Иштван, – позвал Йенси, – это же я.

Иштван прорычал что-то нечленораздельное. Взгляд его метался по комнате, вероятно в поисках скрытого в ней узора, и в результате Иштван не видел, что находится прямо перед ним. Потом он наклонил голову и ринулся в атаку.

Точный и сильный удар прямо в грудь сшиб Йенси с ног, и уже в следующее мгновение безумный братец навалился на него сверху. Несколько ужасных секунд Йенси не мог дышать, комната плыла перед глазами, наконец ему удалось сделать глубокий вдох, отдавший мучительной болью в горле. Иштван по-прежнему не давал ему пошевелиться и наносил удар за ударом по плечам, шее и лицу. За его спиной маячил Генри, стараясь оттащить Иштвана в сторону, но безуспешно.

«Это же я, Йенси», – попытался сказать Йенси брату, но не сумел произнести ни слова. Попытался удержать его руки, но не смог. Попытался прикрыть хотя бы лицо, но Иштван с такой яростью молотил его, что часть ударов пробивала защиту, и тогда Йенси видел искаженное гримасой, пугающее лицо брата.

Был момент, когда Йенси уже думал, что вот-вот отключится, но потом внезапно в мозгу прояснилось, и возникло ощущение, будто он наблюдает за происходящим со стороны.

И тут Йенси осознал, что брат запросто может избить его до смерти.

Иштван постоянно что-то искал, хотя и сам бы не смог сказать, что именно. Чаще всего поиски были совершенно бессистемными, но он чувствовал: рано или поздно то, что он ищет, проникнет сюда из того мира, в котором существует, единственного по-настоящему реального мира. Проникнет и найдет его. Прежде, когда рядом болтался младший братец, его вечно что-нибудь отвлекало, препятствовало поискам, так что очень редко удавалось дожидаться момента, когда внешний покров мира обнажит его истинную суть. Однако теперь Иштван мог ждать сколько угодно.

Первым делом необходимо было отгородиться от обыденного, чтобы ничто не отвлекало от главной задачи его жизни. Все должно быть подчинено единственной цели: заставить мир распахнуться перед ним. Когда он бродил по куполу, кругом встречались символы и знаки, однако они указывали одновременно в разных направлениях. А еще его постоянно отвлекали люди, не давая спокойно созерцать окружающее.

Один найденный во время бесцельных прогулок узор и привел Иштвана назад в квартиру матери, точно так же, как другой узор в квартире в свое время заставил покинуть дом и отправиться бродить по куполу. Просто возник голос, который велел аккуратно разорвать ленту на двери, потом подсказал, где мать прятала ключи от входной двери. Один только голос, без тела. По крайней мере, если тело и было, Иштван не мог его обнаружить. Голос загадочным образом находился внутри его и в то же время существовал отдельно.

Кладовку с продуктами он оставил как есть, рисунок там был правильный. Иштван сам создал его, когда убежал из дома, – правда, он еще не был завершен. С кушеткой пришлось немного повозиться. Кофейный столик в целом казался в порядке, однако Иштван все же поработал кулаком, чтобы еще сильнее его смять, до тех пор пока не разбил руку в кровь. Потом долго смотрел не отрываясь в свое серое, искривленное отражение на металлической

поверхности столика. «Призрачный человек», – подумал Иштван и стал ждать его появления.

Но он не появлялся. Если это действительно призрачный человек, а убедиться можно было только тогда, когда он покажется. Возможно, это совсем другой человек и его слишком трудно разглядеть. А может, там вообще нет ничего. Так Иштван и сидел часами на кушетке, ждал, время от времени склоняясь к металлической поверхности, но вызвать призрачного человека не получалось.

Прошло какое-то время, и он почувствовал, что узор подталкивает его к чему-то. С узором все было в порядке, не в порядке был сам Иштван. Чтобы узор мог исполнить свое предназначение, ему следовало находиться в другом месте.

Он встал, пересек комнату и оказался в спальне, которую делил прежде с братом.

Там, в пустой комнате, он и ждал. Когда призрачный человек появится, то придет искать его. Иштван терпеливо сидел, глядя на дверь, в которую кто-то должен войти.

Сколько часов или дней он прождал, Иштван не смог бы сказать. Просто однажды снаружи донеслись звуки, и он понял, что этот момент наступил. Он встал и прижал ухо к двери. Услышав звук приближающихся шагов, распахнул дверь, схватил того, кто стоял на пороге, и быстро затащил внутрь.

Но нет, это оказался вовсе не тот, кого он надеялся, кого ожидал увидеть. Не посетитель из иномира, а обитатель здешнего мира, непрошенный гость, лазутчик, который явился разрушить узор и помешать задуманному. Кто послал его? Иштван знал о существовании враждебных сил, не позволяющих ему отыскать то, что он должен отыскать, чтобы исполнить свое предназначение. Они всегда были рядом, и это его тревожило. Он схватил шпиона и резко встряхнул, чтобы заставить говорить. Заставить рассказать все: кто его преследует, кто пытается ему помешать. Вытряхнуть всю правду. Он добьется своего, добьется.

Внезапно Иштван ощутил сильный удар по голове и «поплыл». Лазутчик освободился из его хватки и откатился в сторону. До Иштвана дошло, что в комнату ворвались как минимум двое врагов. Он сумел подняться и посмотрел в их сторону, но не вглядывался слишком пристально, чтобы не потерять из виду узор. Если это случится, они одолеют его.

И тут наконец он увидел призрачного человека. Его фигура струилась в воздухе, выходила прямо из ноги того лазутчика, который ударил Иштвана. Чтобы добраться до призрачного человека, сперва нужно было разобраться с этим ублюдком. Он помотал головой, набросился на шпиона и подмял его под себя, а призрачный человек оказался под ними обоими. Теперь осталось устранить эту досадную помеху – и Иштван его достанет! Лазутчик пытался что-то сказать, но голос в голове запретил его слушать. Второй оказался за спиной у Иштвана, попытался оттащить от своего сообщника, но теперь он был готов к нападению и не выпустил жертву. Наконец-то это случилось: он понял, что хочет, что должен сделать, и никто не сможет его остановить.

3

За столом собрались девять человек. Ученые, военные, чиновники. Точно определить род занятий остальных не представлялось возможным. Большинство (хотя не все) были юнитологами, и здесь, среди друзей, они могли выставить напоказ носимые на цепочках амулеты – символы их веры.

– Итак, мы пришли к соглашению, – произнес один из собравшихся по фамилии Блэкуэлл.

Это был военный в высоком чине, с внушительной внешностью и отменной выправкой. Его мундир украшали многочисленные награды. Очевидно, он был здесь одним из главных.

– Я по-прежнему полагаю, что это слишком опасно, – подал голос ученый по фамилии Курцвайл. – Несмотря на все принятые меры безопасности, эксперименты с Черным Обелиском быстро вышли из-под контроля. Мы потеряли большую часть нашей команды. Нам еще очень повезло, что удалось избежать непредсказуемых последствий и остановить распространение этой заразы. – Он повернулся к сидящему рядом коллеге. – Вот Хэйес может подтвердить.

– И тем не менее я «за», – объявил Хэйес. – Как и все здесь присутствующие. Ты же знаешь, Курцвайл, в любом эксперименте существует риск, а потенциальный выигрыш, который ожидает нас, когда мы высвободим силу Черного Обелиска, с лихвой покрывает все опасности. Мы находимся в авангарде движения, которое призвано повести человечество к Слиянию. Теперь, когда мы записали всю информацию, у нас появилась возможность построить новый Обелиск.

Сидевшие за столом согласно закивали.

– Отлично, – сказал Блэкуэлл и повернулся к первому ученому. – Большинство против вас, Курцвайл. Вы это всегда знали.

Курцвайл пожал плечами:

– Давайте хотя бы согласимся, что не стоит сооружать новый объект на Земле. Если произойдет что-то непредвиденное, необходимо, чтобы ущерб оказался минимальным.

– И что вы предлагаете? – поинтересовался Блэкуэлл.

– Отправиться на Луну? – спросил один из юнитологов.

Курцвайл покачал головой:

– Нет, это слишком близко. Да и сохранить все в тайне будет сложно.

– Нужно выбрать такое место, где мы сможем запустить процесс, следить за его развитием, собрать о нем максимум данных, а потом, если понадобится, уничтожить планету, – решительно заявил один из заговорщиков с неопределенным родом занятий. У него были коротко постриженные волосы, ледяной взгляд и нездорового, почти серого оттенка кожа. – Где-нибудь подальше от проторенных дорожек.

– Я отправлю корабль, – кивнул Блэкуэлл. – Есть у меня человек, подходящий для этого задания. Посмотрим, что он сможет найти.

Заговорщики встали и направились к выходу, все, кроме двух с неопределенным родом занятий. Они кивнули Блэкуэллу, чтобы он остался. Глава собрания сел, сложив руки на груди, и все трое стали ждать, пока их соратники покинут комнату. Но даже когда за последним из них закрылась дверь, никто не нарушил тишину.

Наконец Блэкуэлл произнес:

– Кажется, все прошло хорошо.

– Кого вы видите исполнителем? – спросил более крупный из двоих, проигнорировав реплику Блэкуэлла.

– Кого? Коммандера Гроттора. Мы часто пользовались его услугами. У него безупречный послужной список, он очень рассудительный человек и не болтливый. Как и вся его команда.

Второй мужчина кивнул:

– Мы хотим встретиться с ним.

– Но вы никогда прежде не просили о встрече с моими людьми.

– Сейчас перед нами стоит намного более важная задача, чем все предыдущие.

– Вы мне не доверяете?

Собеседники продолжали смотреть на Блэкуэлла и как будто не слышали вопроса.

- Мы хотим с ним встретиться, – повторил второй мужчина.
- Ну конечно, – кивнул Блэкуэлл.

4

Похоже, Иштван начал уставать. Ему приходилось не только бороться с Йенси, но и одновременно отпихивать от себя Генри. Удары его становились все слабее, и Йенси, стараясь защитить лицо, выжидал подходящего момента. И вот, когда Генри в очередной раз навалился на Иштвана, он изловчился и что было силы нанес удар в горло.

Иштван захрипел, но продолжал сидеть верхом на младшем брате, хотя Генри и пытался оттащить его в сторону. Не зная, что еще сделать, Йенси сел и крепко обхватил туловище брата руками.

От Иштвана воняло потом и чем-то еще, какой-то гнилью. Он начал бешено вырываться, но Йенси сцепил пальцы в замок на его спине и выпускать не собирался. Приблизив губы почти к самому его уху, Йенси произнес как можно спокойнее:

- Тсс! Все в порядке, Иштван. Все хорошо. Это всего лишь я.

Но Иштван продолжал сопротивляться. Позади него Йенси мельком увидел совершенно обалдевшего Генри, который даже прекратил попытки оторвать Иштвана от друга.

- Это я, – мягко шептал Йенси. – Я. Твой брат Йенси. Я здесь, Иштван. Я пришел к тебе.

Он повторял это снова и снова, сжимая брата в объятиях, а тот все еще пытался освободиться. Сбитый с толку Генри отступил на несколько шагов назад. Казалось, он разрывается между желанием остаться и готовностью обратиться в бегство. А Йенси все продолжал шептать в ухо брата, стараясь успокоить, но тот вдруг начал биться лбом в его лоб.

С каждой секундой Йенси все труднее было удерживать брата. Голова раскалывалась от боли, как будто кто-то внутри черепа пытался выбраться наружу. По щеке заструилась теплая жидкость, и он сперва подумал, что это пот, но когда Иштван в очередной раз откинул назад голову, Йенси увидел, что лоб брата перепачкан кровью. Кровью самого Йенси. А в следующий миг Иштван резко опустил голову. Йенси потерял сознание и разжал руки.

Разрозненные воспоминания причудливым хороводом лиц проплывали перед ним, словно жизнь спрессовалась в одно краткое мгновение. Они порхали вокруг, а потом начали медленно кружиться, то приближаясь, то снова удаляясь, напоминая скорее непомерно больших, гротескных птиц, нежели человеческие лица. И вот они уже обратились в птиц, парящих в небе, и в то же самое время тела их, казалось, вытянулись, отчего они стали больше похожи на змей, чем на пернатых. Хотя змеями тоже не были. Через некоторое время, так же внезапно, как появились, они потускнели и исчезли.

Их место заняли непонятные повторяющиеся звуки. Далеко не сразу Йенси осознал, что это чьи-то рыдания. И еще он почувствовал прикосновение к своему лицу.

Когда Йенси открыл глаза, брат по-прежнему сидел на нем верхом, но кое-что изменилось. Взгляд стал другим, живым, осмысленным, словно душа возвратилась в тело. Иштван вернулся. Обеими руками он нежно гладил брата по лицу. Лоб его был перемазан кровью. На приличном расстоянии позади маячил Генри. Он прижался к стене возле двери, напряженный, готовый в любой момент бежать отсюда прочь.

Иштван увидел, что Йенси открыл глаза, и слезы на его лице сменились неестественной, безжизненной улыбкой.

- Ты жив.

Йенси с трудом приподнялся, опершись на локти.

- Конечно жив. А как иначе?

- Я думал, что убил тебя.

– Не дожدهшься, – пробурчал Йенси, попытался сесть ровно и скривился от боли.
– Что это значит? – недоверчиво спросил, не отходя от двери, Генри. – Вы что, друзья? Да этот псих пытался тебя убить! Нужно убираться отсюда!
– Мы не друзья. Знакомься, Генри, это мой брат.
– Плевать мне, кто он такой. Он пытался тебя прикончить.
– Я не хотел, – пробормотал Иштван.
– Он не хотел, – подтвердил Йенси. – На него просто нашло немного.
– Ну и кто гарантирует, что на него опять не «найдет»? Посмотри на него. Что с ним случилось?
– Я не хотел, – повторил Иштван. – Ты просто встал на пути.
– Не важно, хотел ты или нет, – упорствовал Генри. – Йенси, пошли отсюда. Но Йенси медленно покачал головой:
– Не могу. Он мой брат.
– Он опасен, – заявил Генри, но уже не таким уверенным голосом, как прежде. Он чуть расслабился и, кажется, готов был даже выслушать объяснения.
– Его просто нужно немного привести в порядок. Он жил совсем один и сейчас слегка не в себе. Кто-то должен о нем позаботиться.
– Но почему это должен быть именно ты?
– А кто же еще, если не я? У него один я и остался. Если я не помогу, то никто больше не поможет.
Генри с сомнением покачал головой:
– Не думаю, чтобы все было так просто.
– Нет, конечно, – согласился Йенси, – но по-другому никак.

Йенси мгновенно понял, что теперь еще больше в ответе за брата, чем прежде. Он набрал ванну теплой воды, оттер как мог грязь с его давно не мытого тела, потом, оставив Иштвана голого и дрожащего от холода, выскочил из квартиры и в подвале местной церквушки нашел заношенную, но чистую одежду. Но этим дело не закончилось. Он снова совершил вылазку на улицу, раздобыл немного еды, стянул ножницы и кое-как постриг брату волосы и бороду. После этого ему пришлось сбегать домой и взять тайком пару старых одеял у приемной матери, чтобы Иштван не мерз. Чем еще можно помочь брату, Йенси не придумал, поэтому просто оставил его в их старом жилище, надеясь, что квартира в столь непрезентабельном районе не привлечет ничьего внимания, по крайней мере до тех пор, пока он не придумает, как быть дальше.

Поначалу Генри не собирался помогать. Он везде следовал за Йенси и убеждал его, что не следует заботиться о ненормальном братце, что теперь у Йенси новая счастливая жизнь и глупо будет ее разрушить.

– Я не собираюсь ничего ломать, – прервал Йенси друга. – Не собираюсь оставлять свою новую семью. Но это вовсе не значит, что я не могу немного помочь родному брату.

Но Генри не хотел так просто сдаваться.

– Это не так легко, как тебе кажется. Ты еще пожалеешь о своем решении.

Первое время у него не возникало проблем. Йенси воровал понемногу еду и приносил брату, рассчитывая, что приемная мать ничего не заметит. Она и не замечала. Поначалу. Но затем стала покупать меньше продуктов и внимательно следила за содержимым холодильника и буфета. Йенси пришлось сообщить брату, что тот сам теперь должен добывать себе пропитание.

– И как я буду это делать?

– А где ты раньше доставал еду?

Иштван показал на застекленные шкафчики, которых было полно в квартире. Он просто открывал их по очереди, один за другим и съедал все, что находил внутри, включая соусы и другие приправы. После этого ставил пустые бутылочки на определенные места согласно одному ему понятной схеме.

Что еще оставалось Йенси? Только по-прежнему таскать у приемной матери продукты, просто теперь в меньшем количестве. Однако вскоре Иштван стал жаловаться на постоянный голод, и младшему брату пришлось наполовину урезать собственный рацион. Он прятывал пищу и при первой возможности тайком носил Иштвану. Теперь и он голодал, но зато помогал брату.

Какое-то время Генри избегал друга, но затем снова начал повсюду за ним таскаться, а когда узнал, что Йенси живет впроголодь ради того, чтобы кормить брата, стал сам носить ему продукты.

– Это не для твоего братца, – предупреждал он, – а для тебя.

И хотя он быстро сообразил, что Йенси все равно отдает большую часть брату, продолжал приносить еду.

Спустя несколько недель Генри даже решился составить товарищу компанию в его визитах на старую квартиру. Первые разы он вел себя настороженно, готовый сразу дать деру, если вдруг Иштван поведет себя странно. Однако нападения больше не повторялись, Генри успокоился и постепенно привык к самой мысли о том, что у друга есть родной брат. Он теперь постоянно помогал Йенси, сделался его сообщником.

Вероятно, они втроем еще долго могли бы вести такую жизнь. Конечно, Йенси очень много времени уделял заботе о брате, и это сказывалось на учебе в школе, но верный Генри и здесь помогал ему: подсказывал правильные решения на контрольных и делал за него большую часть домашних заданий. В общем, так могло бы длиться целую вечность... если бы не Иштван.

Однажды, сидя на кушетке и глядя прямо перед собой, он вдруг заявил:

– Я хочу жить вместе с тобой.

– Правда? – переспросил Йенси.

Иштван кивнул.

– Да, так должно быть. – И он быстро начертил в воздухе фигуру. – Видишь?

Потом внезапно вскочил и вышел из комнаты.

Генри и Йенси удивленно переглянулись.

– И что это было? – поинтересовался Генри. – Он не может жить с тобой.

– Но, возможно, должен...

– Даже если он и захочет, это не дозволено. Родным братьям или сестрам нельзя жить вместе у одного опекуна. Особенно если один из них трудный подросток.

Йенси уже приготовился резко ответить товарищу, но закрыл рот, так как понял, что тот прав.

– Ты должен сказать ему, что ничего не выйдет.

Йенси помотал головой:

– Да он, наверное, позабудет об этом. Наверняка уже забыл. Смотри, он даже не дождался ответа и ушел.

Но когда Иштван вернулся, оказалось, он уже упаковал все свое нехитрое имущество в небольшую коробку. На плечи он набросил одеяла, натянул на себя обе имеющиеся пары штанов и все три рубашки. Вид у Иштвана был как у ребенка, который очень старался самостоятельно одеться, но смог как смог.

– Ну, я готов, – заявил он. – Можем идти.

Друзья застыли в недоумении. Генри выжидающе глядел на Йенси, но, не дождавшись ответа, покачал головой и пошел прочь.

– Так чего мы ждем? – спросил Иштван.

– Послушай... – вздохнул Йенси, – ты не можешь пойти.

– Почему?

– Тебе не разрешат жить со мной.

Иштван нахмурился, начертил в воздухе еще одну фигуру и уставился на нее.

– Тогда ты будешь жить здесь, – с неохотой заявил он.

Йенси опустил голову.

– У меня теперь другая жизнь. Я не могу ее оставить.

Лицо Иштвана помрачнело.

– Ты меня не любишь? Ведь я твой брат.

– Да, ты мой брат, и я люблю тебя. Я буду помогать тебе всем, чем могу. Но... у меня ведь есть своя жизнь.

Рот Иштвана искривился, словно его больно ударили. Он резко повернулся, ринулся в спальню и громко хлопнул дверью.

Йенси подергал ручку, но она не поддавалась.

– Послушай, Иштван, не надо так. Разреши мне войти.

Не дождавшись ответа, он забарабанил в дверь. Безрезультатно. Он уже начал представлять себе всяческие ужасы: вот Иштван забился в угол спальни и, рыдая, пытается ржавым гвоздем перерезать себе горло или мастерит петлю, чтобы повеситься. Йенси помотал головой, стараясь отогнать дурные мысли, но они не желали исчезать.

– Иштван! – громко крикнул он. – Открой же!

Но за дверью было тихо. Несмотря на все стуки и крики, Иштван упорно хранил молчание. Сколько еще Йенси колотил в дверь, он не знал. Запомнил только, что рядом вдруг оказался Генри, схватил его за руку и потащил от двери спальни к выходу из квартиры.

– Но он мог себе что-нибудь сделать, – сопротивлялся Йенси. – Или собирается сделать.

– Да ничего с ним не случится. Просто обиделся. Давай, Йенси, пойдем уже, пока он действительно не съехал с катушек.

Они вышли на улицу, прошли через шлюз и вскоре оказались в своем районе. Йенси почти не замечал дороги, позволив другу вести себя. Из головы не выходили мысли о бедном брате. Возможно, он вел себя неправильно и существовал другой выход? Но как он должен был поступить с Иштваном? Нельзя же просто притащить его домой, будто собачку или другое животное. Вероятно, больше, чем он уже делает для брата, сделать нереально.

Однако, с точки зрения Иштвана, как бы Йенси ни старался, все равно этого будет недостаточно. Всегда окажется, что можно было сделать больше и он что-то упустил.

– Что это было? – спросил Генри.

Но Йенси даже не повернулся к нему, только безразлично спросил:

– Что именно?

– Мне показалось, я что-то видел. Там, сзади. – Генри помолчал и добавил: – Извини. Нервничаю.

Они продолжали путь, мимо здания муниципалитета и дальше по Луна-авеню к своему кварталу. Йенси ощущал, что мысленная ниточка, соединяющая его с братом, тянется за ним через соседние кварталы в Маринер-Вэлли, к их бывшей квартире, становится все тоньше и тоньше и грозит вот-вот оборваться.

Наконец они пришли, и Йенси не сразу заметил, что уже стоит на крыльце своего нового дома. Друзья остановились, молча глядя друг на друга.

Молчание нарушил Генри:

- Ты вернешься к нему?
- Не знаю.
- Думаю, не стоит этого делать.
- Понимаю. Но это не значит, что я не вернусь.

Генри кивнул, помахал товарищу рукой, но не успел сойти с крыльца, как перед ними появился Иштван.

- Значит, вот это наш новый дом, – заключил он, задыхаясь от быстрой ходьбы.
- Как ты нас нашел? – спросил Йенси.
- Я имею полное право находиться здесь. Это и мой дом тоже.

Он улыбнулся, но улыбка вышла неживая, фальшивая. Неуклюжей походкой он приблизился к ним и поднялся на крыльцо. Широко развел руки и шагнул к брату, словно желая обнять, но Йенси не шелохнулся, и он медленно опустил руки.

- Ты не рад меня видеть?
 - Брат, иди домой.
 - Но это и есть дом. Знаешь, я голоден. Что у нас на обед?
- С этими словами он открыл входную дверь и прошел внутрь.

Приемная мать Йенси с совершенно ошеломленным видом застыла возле лестницы. Иштван уже был на кухне. Оттуда доносились звуки, более подходящие дикому зверю, нежели человеку. Он гремел кастрюлями, опрокидывал банки, с грохотом хлопал дверцами шкафчиков в поисках еды.

– Йенси, – едва не срываясь на крик, позвала его приемная мать, – кто этот человек и почему на нем столько одежды? Можешь объяснить мне, что происходит?

Не зная, что ответить, Йенси молча прошел мимо нее, Генри следовал за ним по пятам. На кухне они увидели, что Иштван раскидал по полу консервные банки и набрал из холодильника столько еды, что она падала у него из рук. Со всем этим богатством он прошествовал мимо шокированной приемной матери Йенси в гостиную, где просто свалил добычу на пол. Уселся, скрестив ноги, и начал пожирать все подряд, а глаза его перебегали с одной вкуснятины на другую, конструируя мысленный узор.

- Ну все, я вызываю полицию, – заявила приемная мать.
- Не надо, – попросил Йенси. – Он не опасен. Я сам с ним разберусь.

Но тут вмешался Генри:

- Давайте вызывайте.

Йенси услышал, как застучали каблучки по полу – это приемная мать заспешила к видеофону. Подбежав к брату, он вцепился в рукав его рубашки.

- Иштван, перестань, – в отчаянии прошептал он. – Пойдем.
- Но я голодный. Человек должен есть.
- Она звонит в полицию! Тебе нужно уходить!
- В полицию? С чего бы вдруг? Это же наш дом.

Йенси опустил глаза.

- Не наш. Мой. Прошу тебя, Иштван.

Иштван вздохнул, поднялся, и Йенси уже показалось, что он победил. Но в следующее мгновение лицо брата побагровело, и с криками «Это мой дом! Мой дом!» он решительно двинулся не в направлении выхода, а вглубь квартиры. Йенси кинулся за ним, свернул за угол коридора и увидел такую картину: приемная мать со слезами на глазах сидела, скорчившись, у стены, защищая руками лицо, а над ней нависал обезумевший Иштван. Брат рычал, словно дикий зверь, изо рта его капала слюна. Замерев от ужаса, Йенси молча наблюдал, как Иштван бьет женщину. Он попытался оттащить брата прочь, но тот с силой отпихнул его.

«Помощь уже в пути» – вспыхнула надпись на экране видеофона.

– Иштван, – взмолился Йенси, – ты должен уйти. Немедленно.

– Это мой дом! Сам уходи!

– Да пойми ты! Сейчас здесь будет полиция и тебя заберут в участок!

Иштван выпрямился, лицо его застыло.

– Полиция? Ты вызвал полицию?

– Нет же, не вызывал я...

– Зачем ты вызвал полицию? – спросил Иштван, и в голосе его прозвучали сомнение и удивление.

Он повернул голову и посмотрел на брата. Точнее было бы сказать не «на», а «сквозь» него. Взгляд этот не сулил ничего хорошего и напомнил Йенси тот случай, когда братец пытался его прикончить.

– Ты с ними заодно, – прошипел Иштван. – Ты один из них!

– Нет же! О чем ты говоришь?

– Отвали от меня! – завопил Иштван и сильно ударил брата в грудь.

Йенси не удержался на ногах, налетел на стену и сполз по ней на пол.

– Ты один из них, – повторил Иштван. – Ты такой же гад, как они, потому что заодно с ними.

– Нет, – неуверенно пробормотал Йенси, – я не с ними.

И остался сидеть на полу. Не поднялся, чтобы задержать брата. А тот, заслышав приближающийся вой сирен, прошагал мимо Йенси в коридор, оттуда прошел на кухню и покинул дом через заднюю дверь.

Последующие несколько дней для Йенси прошли в сплошных волнениях. Сперва пришлось позаботиться о приемной матери, помочь ей прийти в себя после такого потрясения. Потом он долго успокаивал Генри и убеждал друга не болтать лишнего. Наконец к ним заявились полицейские. Они спрашивали (вернее было бы сказать «допрашивали») о человеке, который ворвался к ним в дом и напал на Йенси и его приемную мать. Кто это был? Йенси утверждал, что не знает его. Тогда его спросили, откуда ему известно имя преступника.

– Но мне неизвестно его имя. Я не называл его по имени.

Полицейский укоризненно покачал головой:

– Нет, парень, называл. Твоя мать рассказала.

– Она мне не родная мать. Приемная.

– Не имеет значения. Важно другое: откуда тебе известно его имя?

Йенси продолжал плести всякие небылицы, изворачивался, лгал, говорил полуправду, пока полицейские не указали ему на массу противоречий и несоответствий в его показаниях. После этого Йенси решил, что лучше вообще молчать. Однако он гордился тем, что почти ничего не сообщил полиции. Утаил, что нападавший – его родной брат, не назвал имя. Иштван должен оценить его поведение. Как бы полиция ни старалась, на основании его показаний она не сможет напасть на след Иштвана. Он не предал брата.

Однако часов через пять допрашивавший его полицейский хитро улыбнулся и поднял указательный палец:

– Его зовут Иштван.

У Йенси сердце подскочило в груди.

– Вы уверены? Может, моя приемная мать ошиблась?

– Нет-нет. Имя мы узнали не от нее. От твоего друга Генри. Вероятно, он не настолько тебе друг, как ты думаешь. Иштван Сато, – задумчиво произнес полицейский, делая вид, что читает по листу бумаги. – Эй, а у тебя ведь тоже фамилия Сато?

Йенси молчал.

– Не желаем говорить, да? Не важно. Мы уже получили всю необходимую информацию от твоего друга Генри и можем установить личность этого человека. Прочитать тебе то, что нам известно?

Йенси мотнул головой.

– Надо понимать это как согласие? Но сперва еще один, последний вопрос. – Он наклонился ближе к Йенси и спросил: – Неужели ты надеялся скрыть от нас, что преступник, ворвавшийся в ваш дом, твой родной брат?

Йенси должен был возненавидеть Генри за то, что тот все растрепал. Поначалу так и было, но постепенно он начал понимать и то, что о многом друг умолчал. Когда полицейский продолжил, выяснилось, что Генри не сообщил ни о месте проживания Иштвана, ни о том, что они регулярно виделись с разыскиваемым. После окончания допроса он осознал, что на самом деле Генри не сказал практически ничего, за исключением того, что Иштван и Йенси – братья. Он вынужден был признать, что рано или поздно полиция и сама докопалась бы до этого факта.

Когда полицейские наконец отбыли восвояси, Йенси предстояли нелегкие разборки с приемной матерью. В этом ему здорово помог верный Генри. Он преподнес очень убедительную историю о том, что они совершенно случайно повстречались с Иштваном и понятия не имели, что у него не все в порядке с головой, а тем более что он решит последовать за ними. Вдвоем им удалось успокоить бедную женщину, так что она не стала отказываться от Йенси и просить агентство подыскать для него новую семью. Только благодаря стараниям Генри он мог и дальше жить новой жизнью.

Что касается Иштвана, он бесследно исчез. Было бы ошибкой, утверждал Генри, снова искать его. Иштван психически неуравновешен, и если он снова появится в их жизни, для Йенси все будет кончено. Его передадут в другую семью, а может быть, вообще вышлют с планеты, и тогда они с Генри никогда больше не увидятся. Конечно, Генри был прав, но все же Йенси грызло чувство вины. Он не мог избавиться от мысли, что бросает брата. Ведь кто, кроме него, может позаботиться об Иштване? Бедный брат, где-то он сейчас? Совсем один, никому не нужный, живущий по большей части не в реальном, а в выдуманном, искаженном мире.

Поэтому хотя Йенси и понимал, что поступает неправильно, но в один прекрасный день, когда он расстался с Генри после школы, ноги сами понесли его не домой, а в направлении шлюза, который вел в район Маринер-Вэлли.

Оператор шлюза узнал его, вспомнил, что этот молодой человек уже бывал здесь, коротко кивнул и пропустил, не задавая лишних вопросов. В Маринер-Вэлли ничего не изменилось с последнего его посещения: все те же разваливающиеся дома и грязные улицы.

На этот раз дверь в квартиру оказалась заперта. Разорванная полицейская лента осталась на месте, но поверх нее было наклеено несколько новых, еще не поврежденных.

Йенси постучал, но ответа не дождался. Постучал еще и снова подождал. Ничего.

Тогда он спустился вниз и обошел здание, пытаясь вспомнить, куда выходят окна его старой квартиры. Решил, что вычислил их, и застыл в разочаровании: окна, похоже, были наглухо закрыты, за ними – ни малейшего движения, ни проблеска света.

«И что делать теперь?» – задумался Йенси.

Некоторое время он просто стоял, глядел на здание и ждал, не случится ли что-нибудь важное. Но ничего не произошло. Дальше по улице четверо замызганных ребятишек играли в одну из тех незамысловатых игр, которые Йенси помнил по собственному детству. Больше на улице никого не было.

В конце концов он вернулся в дом, подошел к своей бывшей квартире и сорвал полицейские ленты. Хватит ли ему сил, чтобы выломать дверь, Йенси не знал, но решил попробовать. Через несколько минут у него заболело плечо, дверь же стояла как ни в чем не бывало. Подождав еще немного, он развернулся, спустился по лестнице и позвонил в квартиру управляющего.

Управляющий, похоже, очень удивился:

– Ты же тот самый парень, у которого мамаша сошла с ума.

– Я жил там, – махнул рукой Йенси.

– Точно, он самый. Тот парень. И чего тебе надо?

– Ключи от квартиры.

Управляющий помотал головой:

– Это место преступления. Полиция опечатала его.

– Уже нет. Они сняли свои ленты.

– Да? – нахмурился управляющий. – Когда же они успели?

Йенси пожал плечами:

– Я-то откуда знаю? Когда я пришел, лента была уже снята. – Он протянул руку и повторил: – Дайте ключи.

– С чего это вдруг я стану давать тебе ключи? За квартиру еще деньги не уплачены. Кто мне долг вернет? Вот кто заплатит, тому ключи и отдам.

– У меня приемный отец – юрист, – солгал Йенси. – Я хочу подняться в квартиру и проверить, все ли там на месте. Если выяснится, что полицейские что-нибудь стащили, мы прищемим им задницы. А заодно и вам.

Управляющий с ошарашенным видом уставился на него, но через несколько секунд расплылся в улыбке и покачал головой:

– Не-е-е, не может такого быть.

Йенси скрестил руки на груди и молча глядел на управляющего.

Тот занервничал, почесал затылок, собрался было закрыть дверь, но, увидев, что Йенси никак не реагирует на его действия, остановился.

– Говоришь, юрист?

– Юрист, – подтвердил Йенси, не сводя твердого взгляда с управляющего. – И сутяга еще тот.

Управляющий тяжело вздохнул:

– Пять минут. Туда и обратно.

И пошел за ключом.

Открывая дверь, Йенси даже не представлял, что увидит внутри. Может быть, тело брата болтается на веревке, а распухший багровый язык вывалился наружу. Или он лежит на полу с дыркой от пули в голове, а стены забрызганы кровью вперемешку с кусочками мозга. А может, просто умер от голода и жажды.

Хотя не исключено, что он еще жив, но сидит весь несчастный, голый и дрожащий от холода в уголке, а когда Йенси подойдет и тронет брата за плечо, тот просто посмотрит сквозь него. Не видя ничего вокруг. Живой, но находящийся не в этом мире, а в каком-то другом.

Или притаился за дверью с ножом в руке и, едва Йенси войдет, набросится на него и перережет горло, не успев сообразить, кто перед ним. Или перережет горло как раз потому, что поймет, кто нарушил его уединение.

Но ничего такого не произошло. Открыв дверь, Йенси увидел перед собой пустую комнату. Соседняя с ней спальня также пустовала. Никого не оказалось ни в ванной, ни в бывшей спальне матери. Ни-ко-го. И похоже, сюда не заглядывали уже давно.

5

Йенси успешно окончил школу и получил приглашение в университет на Земле, но не мог себе позволить такой перелет и потому учился на Виндоге в техническом колледже. Его специальностью были компьютеры, и он здорово поднаторел в обращении с ними, в программировании, но помимо того не забывал и хакерское «искусство», которому его в свое время обучил Иштван. Вероятно, Йенси и дальше занимался бы компьютерами, если бы не увлекся пилотированием. Генри учился хуже, однако у его родителей было много денег, и они послали отпрыска на Землю. Йенси предполагал, что распрощался со старым другом навсегда и больше его не увидит, но уже через год Генри вылетел из университета и, вернувшись на родную планету, также поступил в технический колледж.

– Подвел я родителей, – заявил он Йенси. – Они теперь и смотреть на меня не желают.

После этих слов Йенси призадумался, нет ли его вины в том, что у друга что-то пошло не так. Что, если это он вырвал Генри из нормальной жизни, показав другой, странный мир, и тем самым искорежил всю его судьбу?

Никогда больше Йенси не возвращался в свой старый дом, но изредка все же забредал в Маринер-Вэлли в надежде встретить пропавшего брата. Кроме того, он находил успокоение, просто бродя по знакомым с детства мрачным улочкам. Но однажды все здесь переменялось: власти приняли решение привести неблагополучный район в порядок. Благодаря титаническим усилиям улицы заблестели чистотой, запах дезинфицирующих средств сменил вонь разлагающихся отходов, однако уже через несколько дней Маринер-Вэлли начал приобретать свой прежний облик.

Несколько раз, проходя по улицам то в одной части города, то в другой, Йенси вроде бы замечал в толпе брата – с всклокоченными длинными волосами, бесцельно куда-то бредущего, однако догнать его не получалось. Пару раз, когда он все же настигал знакомую фигуру, выяснялось, что он обознался.

Прошло года четыре. Поначалу Йенси часто вспоминал Иштвана, но со временем эти мысли посещали его все реже и реже. Йенси мог неделями не задумываться о судьбе брата. Он прошел обучение по специальности «Пилотирование пассажирских и грузовых кораблей». Впереди его ожидала степень бакалавра, но правительство планеты прекратило финансирование школы. Тогда Йенси покинул приемную семью, снял небольшую квартирку рядом с космопортом и начал работать.

Он работал перевальщиком. Когда прибывал большой межпланетный корабль с грузами для Виндоги, к нему на орбиту подходило судно меньших размеров, а Йенси помогал перевозить грузы с одного корабля на другой, партия за партией, пока все они не оказывались на поверхности. Работа была совсем не сложная, но Йенси это не волновало. Беспокоило другое – на орбите сооружали грузовую станцию, и в скором времени его профессия могла оказаться ненужной. Какое-то время Генри работал вместе с ним, но парень плохо переносил невесомость и решил вернуться на твердую поверхность, где продолжал обучаться за родительские деньги то одной профессии, то другой.

Загрузка у перевальщиков была неравномерная. Порой Йенси приходилось вкалывать по шестнадцать часов без отдыха, а случалось, он подолгу валялся на диване в своей квартире и лениво переключал каналы на видео. Неужели о такой жизни он мечтал? Хотя в любом случае это было лучше той судьбы, которая ожидала бы его, останься он в свое время в Маринер-Вэлли.

У Йенси была подруга, чуть ниже его ростом, полноватая и немного нервная. Спустя некоторое время он ее бросил. Встречался с другой, высокой, длинноногой и доброй. Она нравилась Йенси намного больше, но он все же умудрился порвать и с ней. Наверное, сказыва-

валось тяжелое детство и воспоминания о том аде, в котором ему пришлось жить, поэтому он с осторожностью завязывал новые знакомства и опасался серьезных отношений. Порой в голову приходила мысль посетить психотерапевта. Возможно, специалист смог бы ему помочь, да только Йенси не представлял, к кому именно обратиться и вообще с какого боку подступиться к этой проблеме.

И так он мог бы существовать еще долгое время, быть может всю жизнь, но помешала одна причина. По имени Иштван.

Прошло около четырех лет с момента неожиданного исчезновения брата. У Йенси выдалась тяжелая сверхурочная работа: тридцать шесть часов он с товарищами разгружал зависший на орбите грузовик. Пока его шаттл поднимался или опускался, можно было урвать минут двадцать сна, но к тому времени, когда разгрузка закончилась, вымотан он был до предела.

Вернувшись домой, Йенси обнаружил, что дверь не заперта. «Странно», – подумал он, но тут же выкинул эти мысли из головы. Видимо, все дело в том, что вызов на работу пришел внезапно, он торопился и просто забыл впопыхах запереть замок. Тем более что в квартире все вещи вроде бы находились на своих местах и ничего не пропало. Он осмотрел гостиную, спальню – все в порядке. Зашел в ванную, включил свет, скинул пропотевшую одежду, отдернул шторку... и увидел Иштвана.

– Здорово, братец! – воскликнул Иштван и улыбнулся своей безжизненной улыбкой.

Йенси решил было, что перетрудился и у него начались галлюцинации. Он вскрикнул, отшатнулся назад, врезался в стену и упал бы, если бы Иштван (вполне материальный, не галлюцинация) не выбрался из ванны и не поддержал его.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Йенси, пытаясь унять сердцебиение.

– Пришел повидать тебя.

Брат был пострижен под «ежик» и чисто выбрит. Правую щеку украшал зловещего вида багровый шрам, относительно свежий. Йенси показалось, что у брата что-то не так с рукой, и, когда тот наконец его отпустил, понял, в чем дело: у Иштвана не хватало двух пальцев.

– Как ты меня нашел?

– Я всегда знал, где ты. Я следил за тобой.

«Он следил за мной», – мысленно повторил Йенси и вздрогнул.

Молча отодвинул брата в сторону и натянул сброшенную одежду.

– А зачем ты прятался в ванной? – спросил Йенси, когда они вышли в гостиную.

– Откуда же мне было знать, что это ты? Это мог быть кто-то другой. Могли быть они.

Йенси кивнул. Он был в полной растерянности, не знал, что говорить, что делать. Действительно ли он хочет видеть брата? Впрочем, в нем невольно уже просыпалось странное сочетание чувства вины и привязанности, от которых Йенси сумел, как ему казалось, избавиться несколько лет назад. Вновь возникала не сулящая ничего хорошего невидимая связь с братом.

– Тебе нельзя здесь оставаться, – наконец проронил он.

– А я и не хочу. Передо мной сейчас стоит важная задача.

– Что еще за задача?

Иштван усмехнулся и погрозил пальцем:

– Это мое дело, и тебя оно не касается.

– Но что ты здесь делаешь?

– Хотел встретиться с тобой после долгой разлуки. Еще раз повидать брата перед тем, как выполнить задачу.

– Да о чем ты все толкуешь? Что это значит: «выполнить задачу»?

Вместо ответа Иштван снова неискренне улыбнулся.

Йенси решил сменить тему:

– Хорошо выглядишь.

– А вот ты явно устал.

– Да, устал. Переработал, понимаешь ли. Но все-таки какую тебе нужно выполнить задачу?

– Мне велели никому не рассказывать.

– Да кто велел-то?

– Они.

– Кто «они»?

Ни с того ни с сего Иштван вдруг захихикал. Он даже зажал рот ладонью, но остановиться все равно не смог.

– Эй, что с тобой? – спросил Йенси, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно спокойнее.

Иштван снова засмеялся. Некоторое время он сидел на диване с закрытыми глазами и глубоко дышал, пока это глупое хихиканье не прекратилось. Он медленно отвел руку от лица и открыл глаза.

– Ну вот видишь? Все в норме. Со мной полный порядок.

– Не знаю, что ты задумал, но что бы это ни было... не делай этого.

– Со мной все в порядке, – повторил Иштван, хотя на сей раз слова прозвучали скорее вопросительно.

– Иштван...

Но брат уже поднялся с дивана:

– Мне пора. Я просто хотел тебя увидеть.

– Перед тем как выполнить свою задачу, – закончил за него Йенси.

– Да, перед тем как выполню свою задачу, – улыбнулся Иштван.

Шатаясь, точно пьяный, он двинулся к выходу, на пороге остановился и обернулся к младшему брату:

– Завтра я попаду на экраны видео. На все экраны. Не забудь посмотреть. Я сделаюсь знаменитым.

С этими словами он вышел на улицу.

«Он сумасшедший, – подумал после ухода брата Йенси. – Как и наша мать. Клинический случай».

Что за ахинея он тут нес? Какая еще важная задача? И что означают его слова «завтра я попаду на все экраны»? Знаменитым он хочет стать. Бредит, как и всегда. Очередная пустышка. Брат на несколько минут – малоприятных, надо заметить, минут – снова вошел в его жизнь и опять исчез. На этот раз, может, оно и к лучшему.

«Все-таки хорошо, что он ушел, – решил в итоге Йенси. – От него одни только неприятности».

Но на самом деле он так не считал, не мог так считать. Несмотря на дикую усталость, ему так и не удалось заснуть этой ночью. О чем же говорил брат? Что за задача? Что, если за его словами скрывается нечто серьезное?

Йенси повернулся на другой бок и попытался прогнать эти мысли прочь. Закрыл глаза и лежал, глядя на вспышки воображаемого света под веками. Он перепробовал все возможные способы, чтобы заставить себя уснуть: считал овец (хотя никогда в жизни не видел живую овцу), решал в уме сложные арифметические задачи, бесконечно повторял про себя, как мантру, одну и ту же фразу, пытался представить, как тело все тяжелеет и тяжелеет и постепенно погружается в сон. Но ничего не помогало. Усталость сменилась чувством беспокойства за

брата; словно злое нечеловеческое око пристально смотрело на него, сквозь него и не позволяло заснуть.

После нескольких часов безуспешной борьбы он понял, что вот-вот сойдет с ума. Встал с кровати и набрал номер Генри.

– Ты знаешь, который час? – проворчал взлохмаченный и сонный Генри.

– Знаю, и очень хорошо. Но я не могу уснуть.

Генри зевнул.

– Ага, и ты решил разбудить меня, чтобы тебе не было скучно?

– Здесь был Иштван.

– Что? Иштван? Ты хочешь сказать, он тебе приснился?

Йенси покачал головой:

– Он действительно был здесь. Во плоти.

– Я уж решил, что он мертв. Чего ему было нужно?

– Хотел увидаться со мной последний раз...

– Последний раз перед чем?

Йенси рассказал то небольшое, что знал, и, закончив, спросил друга:

– Он же свихнулся, как думаешь?

– Возможно, – протянул Генри. – Не знаю. Может быть, он планирует что-то.

– Что?

– Откуда мне знать? Но это может быть что-то серьезное.

– В каком смысле?

– На что он способен? – принялся рассуждать Генри. – Я знаю, ты любишь его, он твой брат и все такое, но вспомни, какой он был, когда мы в первый раз с ним встретились. Он запросто мог нас прикончить. Думаю, если у него соответствующее настроение (или, наоборот, несоответствующее), можно ожидать чего угодно. Например, он собирается взорвать бомбу.

– Бомбу? – переспросил озадаченный Йенси. – Ты, наверное, прикалываешься? Взрыв может разрушить купол, погибнут тысячи людей!

– Ну не обязательно бомба. Не знаешь, завтра будут какие-нибудь события?

– Какие, например?

– Чье-нибудь выступление, митинг, марш протеста, встреча каких-нибудь шишек. В таком роде.

– Не знаю, – признался Йенси. – Я же вкалывал два дня и не смотрел видео. А ты ничего не заметил?

– Не, вроде ничего. Но возможно, он планирует сорвать какое-то важное мероприятие. Он же уверял тебя, что его покажут в новостях?

– Да, типа того.

– Ну тогда проследим за объявлениями по видео, поищем, какие завтра будут происходить события. Думаю, нам по силам вычислить то, что нас интересует. Если ничего не получится, тогда будем просто сидеть, смотреть новости и, когда обнаружим что-то подходящее, постараемся оказаться на месте раньше твоего братца.

Йенси прервал связь и попытался уснуть, но опять безуспешно. Поэтому он просто лежал, уставившись в темноту, до тех пор, пока в комнате постепенно не стало светло. Он встал, включил видео и посмотрел, какие мероприятия могли представлять для них интерес. Кое-что обнаружилось. На открытие новой школы прибывал, чтобы перерезать ленточку, представитель администрации колонии. На ступенях муниципалитета планировалась пресс-конференция некоего политического деятеля по имени Тим Фишер, посвященная просачиванию метана в одном из внешних куполов и тому, насколько в этом велика (и присутствует

ли вообще) вина властей. Опять же рядом со зданием муниципалитета проводили митинг сторонники кандидата от оппозиции Дэвида Вернальи. В космопорт должен был прибыть специальный представитель Земного правительства Джедроу Берри. Упоминалось и о других событиях, однако они показались Йенси менее значительными: дебаты о возобновлении строительства жилья для малообеспеченных семей, снос заброшенного и необитаемого мини-купола и тому подобные мелочи. Очевидно, если Иштван что-то планировал, искать его нужно на первых четырех мероприятиях.

Но какое из них? Конечно, Генри поможет, но вдвоем они смогут проследить лишь за двумя событиями. Открытие школы, пресс-конференция, митинг, прибытие посла... Все это подходит, во всех случаях Иштван окажется на экранах видео, когда будет осуществляться задуманное. Но что? Вдруг Иштван окончательно спятил и совершенно не контролирует себя? Йенси вынужден был признать, что это вероятно, и даже очень. Может быть, он задумал напасть на кого-нибудь? Или убить? Или совершит попытку самоубийства? Все возможно. Но с таким же успехом можно предположить, что его так называемая «задача» заключается в совершенно ином и это вполне невинная затея. Например, он задумал швырнуть кусок яблочного пирога в посла. Или во время пресс-конференции спустит штаны и покажет толпе голую задницу. Йенси старался убедить себя, что брат вполне способен и на такие относительно безобидные штуки.

И при этом понимал, что обманывает себя. От Иштвана скорее следует ожидать акта насилия.

Йенси был чертовски вымотан, глаза слипались от усталости, да еще начиналась мигрень, пока едва ощутимая, но он знал, что скоро она перерастет в тупую головную боль, которая может продлиться несколько дней. Заснуть не удавалось. В голову вдруг закралась ужасная мысль. Что, если Иштван, говоря, что попадет на экраны видео, не имел в виду некое событие, которое он намеревался сорвать или совершить в этот момент акт насилия? Что, если он попадет во все новостные выпуски, появится на всех экранах и приобретет известность уже после того, как выполнит свою загадочную «задачу»? Возможно, он вовсе не собирается похищать или убивать известного политика на глазах у всего честного народа, а планирует совершить что-то непредсказуемое?

Но тогда это может произойти где угодно.

Если именно таков его план, то обнаружить брата до того, как он осуществит свою «задачу», невозможно. А потом уже будет слишком поздно.

Последующие шесть часов оказались худшими в жизни Йенси. Его физические и душевные силы были на пределе. Он не мог ничего сделать, пока не подойдет время ключевых событий, когда возможно появление Иштвана. Оставалось только ждать, изводясь от неизвестности, и постоянно гадать: открытие школы, пресс-конференция, митинг, прибытие посла? И занозой сидела в мозгу мысль о том, что брат, возможно, не появится ни в одном из этих мест. Он живо представлял себе, как Иштван надевает куртку, к подкладке которой пришта широкая лента с брусками взрывчатки. Или как внезапно выскакивает из толпы и, размахивая ножом, несется к ступеням муниципалитета, трибуне или охранникам важной персоны. Йенси одинаково боялся и того, что брат кого-нибудь убьет, и того, что при попытке совершить безумный поступок убьют брата. И трудно было сказать, какой вариант более вероятен.

Через несколько часов после рассвета явился Генри, и они принялись ломать голову вдвоем.

— А твой братец интересуется политикой?

— Прежде — нет. А сейчас... Кто ж его знает? Мы столько лет не общались.

– Он говорил про «задачу». А как это прозвучало? Ну, может, он как-то по-особенному произнес эти слова? С политической подоплекой. Или религиозной.

– Да никак не прозвучало. Он только запутал меня.

– Давай-ка еще раз прикинем. Нас только двое. Вдвоем мы сможем проследить лишь за двумя интересующими нас событиями. Нужно сузить зону поиска.

Йенси закивал.

– Или можно обратиться в полицию. Сообщить, что на тех двух мероприятиях возможны инциденты с угрозой для жизни людей.

– Так можно сделать еще хуже.

– Кому? Иштвану? Поверь, для его потенциальных жертв хуже от этого не будет.

– Нет, – твердо заявил Йенси, – я так не могу. Он будет считать меня предателем.

– Боюсь, у тебя нет выбора. Ты же не хочешь, чтобы кто-нибудь погиб по твоей вине?

– Но тогда он может погибнуть. Иштван. Я не хочу, чтобы его смерть оказалась на моей совести. Не хочу заявлять в полицию.

Генри молчал, пристально глядя другу в глаза.

– Пусть будет так, – сдался наконец Йенси, – но это в самом крайнем случае.

– Хорошо, – вздохнул Генри. – В самом крайнем случае.

– Я бы выбрал митинг. Йенси, ты как считаешь?

– Не знаю. Я бы тоже предположил, что это будет митинг, но, понимаешь, он в поддержку кандидата от оппозиции. Не уверен я. Иштван всегда поддерживал тех, кто в меньшинстве. Но он мог и измениться.

– Мог. А мог и не измениться. Ну а как насчет церемонии открытия школы? Он имеет что-нибудь против образования?

– Иштван не хотел, чтобы я отправлялся в приемную семью. Может, для него школа как-то с этим связана? Может, он считает, что она нас разлучила.

– Но речь же идет об открытии новой школы. Твоя школа тут ни при чем. Да, у него крышу совсем снесло, но не похоже это на акт протеста.

«Крышу снесло? – вздрогнул Йенси. – А ведь, пожалуй, Генри прав».

– Там же на открытии кто-то из администрации будет перерезать ленточку. Он может знать этого человека?

– А кто там будет?

Они искали информацию по видео, но ничего не обнаружили.

– Пока мы туда сами не придем, ничего не узнаем, – грустно подвел итог Йенси.

– А может, и тогда не узнаем. Он же мог за эти годы познакомиться с кем угодно. Нет, здесь нам, похоже, тоже ничего не светит. Ну-с, а что с посланцем с Земли? Как там его? – Генри покопался в архиве новостей и повернулся к другу. – Джедрю Берри. Говорит это тебе что-нибудь?

– Никогда не слышал.

– Допустим. Для тебя это имя ничего не значит. Но он представляет земное правительство, а это может быть весомым аргументом. – Генри помолчал и тяжело вздохнул. – Хотя и это тоже вилами по воде писано. Короче говоря, нет у нас убедительной версии.

Несколько минут они просидели молча, потом Йенси нарушил тишину:

– Что же будем делать?

– Что? Тянуть соломинки.

Йенси казалось, что еще немного, и он свихнется. Он без конца ломал голову в поисках связей, ассоциаций, которых не мог разглядеть, а возможно, просто не туда смотрел. Так,

должно быть, чувствовал себя Иштван: всегда и везде искал узоры и фигуры, пытался увидеть то, что никому другому увидеть было не под силу.

В тысячный раз Йенси задавался вопросом: что же мог задумать Иштван? Пробовал поставить себя на место брата, пытался вспомнить, как нестандартно тот воспринимал житейские ситуации, которые для Йенси казались простыми и очевидными. Но то были случаи из детства, и сейчас, вспоминая, Йенси все равно не мог понять поведение Иштвана и соотнести с сегодняшним днем. Он уже давно сообразил, насколько искаженным воспринимает окружающий мир его брат. Словно глядит на все через затемненное, дымчатое стекло, которое искривляет картинку и делает мир нереальным. И каким образом он, Йенси, человек более или менее нормальный, может посмотреть вокруг безумным взглядом старшего брата?

С торжественным видом Генри взял четыре листочка бумаги и на каждом написал по одному слову: митинг, пресс-конференция, школа, космопорт. Потом свернул каждый листок в трубочку и зажал в кулаке.

– Хочешь тянуть первым? Или я?

Вместо ответа Йенси вытянул одну из «соломинок».

– Открывай.

– Сперва ты, – сказал Йенси.

Генри закрыл глаза, пощупал листки и наконец вытащил один. Вместе друзья развернули его.

– У меня школа, – объявил Генри.

– Космопорт, – отозвался Йенси.

Генри положил руки на плечи товарища и серьезно произнес:

– Удачи тебе.

И они отправились на поиски «того – не знаю чего».

6

Коммандер Гроттор стоял возле пульта управления кораблем в расслабленной позе, сцепив руки за широкой спиной. Несмотря на его внешнюю безмятежность, мозг коммандера усиленно работал. Не нравилась ему эта экспедиция: слишком мало информации, а Гроттор всегда любил четко понимать, во что впутывается.

Он отвлекся от нелегких дум и обвел взглядом капитанский мостик. С одной стороны от него сидела лейтенант Джейн Хейли. Молоденькая, едва только окончившая академию, но весьма смышленная и целеустремленная. Коммандер посмотрел на ее показатели (намного выше среднего), ознакомился с характеристикой и сделал выбор. Собственно, вся эта великолепная команда была подобрана лично Гроттором и славилась неукоснительным выполнением приказов, а также безоговорочной преданностью. Хотя лейтенанта Хейли Гроттор выбрал как раз за то, что она не боялась перечить командиру, в то время как для остальных это было немыслимо.

По другую сторону расположился лейтенант Эрик Ортор, тощий, чахоточного вида субъект. Он был единственным человеком на корабле, отобранным для экспедиции не коммандером. На его кандидатуре настоял лично Блэкуэлл, и Гроттор не переставал гадать: а доверяет ли ему Блэкуэлл?

Он без лишних вопросов согласился выполнить задачу, которую поставили перед ним Блэкуэлл и два сопровождавших его весьма странных типа, но, возможно, Блэкуэлл все же сомневается в лояльности коммандера. Гроттор был настоящим офицером, непреклонным в своих решениях и поступках, однако достаточно хитрым, чтобы найти выход из любых передряг. А работая на Блэкуэлла, он частенько попадал в переpleт.

Ортор был юнитологом, командер формально тоже, но лишь на словах. Это давало возможность продвигаться вверх по служебной лестнице, и Гроттор вступил в ряды юнитологов просто потому, что в данный момент так было целесообразно. Особо он во все это не верил, хотя видел достаточно снимков и видеозаписей времен Майкла Олзмэна, чтобы понимать: Обелиск определенно обладает некой силой. По его мнению, Блэкуэлл и сам не был истинно верующим, возможно, вообще не был юнитологом, но тоже чувствовал потенциал в этой религии. А еще эти двое, безымянные, но, похоже, обладающие реальной властью. Он видел их всего однажды, но и этого достаточно.

В то же время командер знал слишком много об экспедиции, чтобы она ему нравилась. Задание заключалось в том, чтобы найти планету, подходящую для размещения секретного объекта, для продолжения проекта «Обелиск». В чем заключается предмет исследований, Гроттору не было известно, но, судя по тому, что планета обязательно должна отсутствовать на звездных картах и находиться вдали от торговых путей и обитаемых миров, ничего хорошего предстоящий проект не сулил. Вдвоем с Блэкуэллом они отобрали несколько перспективных объектов, но один за другим все отпали. Оставалась последняя в списке планета – та, к которой сейчас приближался корабль. В отношении ее Блэкуэлл по неясным причинам некоторое время колебался, однако в итоге все же дал добро.

Планета значилась необитаемой. На ней отсутствовала пригодная для дыхания атмосфера, но сила тяжести была примерно равна земной. Корабль Гроттора вышел на орбиту, и каково же было удивление экипажа, когда на планете обнаружились признаки жизни: что-то вроде небольшого поселения, расположенного под защитным куполом. Он был таким маленьким, что сам командер ничего бы не заметил, но помогло острое зрение лейтенанта Хейли. Если не считать того, что планета оказалась обитаемой, в остальном она подходила по всем параметрам. Командер лично дважды проверил базу данных: сведений о планете там не было. Нелегальное поселение.

– Порокомендуем ее, сэр? – спросила Хейли.

Гроттор отрицательно помотал головой.

Если на планете есть колония, пусть и нелегальная, ее следует вычеркнуть из списка. Как знать, кто там обитает и какие у них отношения с внешним миром. Вдруг кто-нибудь захочет проведать живущих здесь родственников и прилетит в гости. Какая уж тут секретность? Нет, для их целей эта планета не годится.

– И что будем делать дальше, командир? – поинтересовалась Хейли.

– Продолжаем поиски.

Прозвучал сигнал вызова, и на экране видеофона возник один из двух типов, которые сопровождали Блэкуэлла, – тот, что с сероватой кожей и ледяным взглядом.

– Я слышал, вы отвергли Асперу, – начал он без предисловий. – Потрудитесь объяснить.

– Мы обнаружили на планете незарегистрированное поселение. Это нам не подходит.

Мужчина мотнул головой:

– Это не поселение.

– Тогда что это?

– Тюрьма. Один из наших объектов. Скажите, командер, помимо этого, планета отвечает нашим требованиям?

Гроттор быстро просмотрел записи Хейли и кратко доложил серокожему информацию по планете. Похоже, в остальном все соответствовало заданным параметрам.

– Тогда двигаемся дальше. Вам необходимо вступить в контакт с Тимом Фишером на Виндоге. Он один из нас и умеет держать язык за зубами. Кроме того, он заведует перевозками грузов в тюрьму на Аспере. Он сможет организовать доставку на планету необходимых

строительных материалов, якобы для нужд тюрьмы, хотя на самом деле груз будет предназначаться для вас.

Прищурившись, он уставился на Гроттора:

– Что-то не так?

– Все в порядке.

– Можете говорить откровенно.

– В этом есть определенный элемент риска. Может произойти утечка информации о проекте – через тех, кто будет задействован в перевозках, или через охранников в тюрьме. Кроме того, если с экспериментом что-то пойдет не так, погибнут люди.

– Это заключенные, и содержатся они в секретной тюрьме.

– И?

– Это значит, что ими можно пожертвовать, – не моргнув глазом, объяснил серокожий.

Гроттор коротко кивнул.

– А еще нам может понадобиться человеческий материал.

Коммандер Гроттор помолчал, а потом произнес всего два слова:

– Да, сэр.

7

«Все-таки скорее это будет митинг, – размышлял Йенси по пути в космопорт. – Надо было отправиться туда».

Впрочем, поправил он себя, так было бы, если бы он сам, а не Иштван что-то замышлял. Так что разумнее придерживаться намеченного плана.

Добравшись до космопорта, Йенси выяснил, что прибытие посла задерживается из-за неполадок с челноком, который послали к прилетевшему с Земли кораблю. В здании порта было малоллюдно: не более дюжины встречающих, большинство – официальные лица. Йенси быстро осмотрелся и ничуть не удивился, не обнаружив нигде Иштвана.

Если поторопиться, он еще успеет на одно из других намеченных мероприятий. Митинг или пресс-конференция? Какое из двух? Впрочем, все равно в одну сторону. И Йенси бросился бежать.

Сперва он выбрал не ту улочку и в итоге почти вернулся назад к космопорту, но быстро осознал ошибку и на этот раз повернул в нужную сторону. Он прибавил ходу, хотя все еще не был уверен, куда именно следует направиться. Митинг или пресс-конференция? До места проведения митинга было ближе, но ненамного. Он уже слышал усиленный громкоговорятелями голос оратора, но звуки были настолько искажены, что слов разобрать не удалось.

Йенси миновал узкий проулок, выскочил на центральный проспект и внезапно оказался среди митингующих.

С возвышения, установленного в конце улицы, вещал Дэвид Верналя. Его многократно усиленный динамиками голос грохотал над людским морем. Йенси стал протискиваться вперед в поисках брата.

– Нет, я не скажу, что нынешняя администрация ужасно работает, – объявил Верналя. – Но, собственно, мне и не требуется ничего говорить, поскольку вам самим это уже известно. В противном случае вас бы здесь сегодня не было.

Толпа разразилась аплодисментами и одобрительными возгласами. Тем временем Йенси пробивался все дальше, распихивая людей и получая в ответ неприязненные взгляды. Чем ближе к трибуне, тем плотнее смыкались ряды митингующих. Йенси встал на цыпочки и огляделся по сторонам, пытаясь отыскать в море лиц знакомые черты. Бесполезно – слишком здесь было людно.

«И что теперь? – в отчаянии подумал он. – Похоже, я ошибся».

Верналья продолжал свою пламенную речь, и толпа все больше заводилась. Так или иначе, кандидат от оппозиции был жив, ход митинга никто не нарушал, и, вероятно, это мероприятие можно вычеркивать из списка. Но успевает ли Йенси попасть на пресс-конференцию?

Он стал решительно пробиваться через сплоченные ряды митингующих, не обращая внимания на их недовольство. Нужно выбраться в тот проулок, по которому он пришел, и поспешить на пресс-конференцию. Во всяком случае, стоило попытаться.

Случайно обернувшись, Йенси заметил мужчину в черном костюме, который ломился сквозь толпу на некотором расстоянии позади него. На ходу он говорил что-то в закрепленную у рта гарнитуру. Вероятно, это был человек из службы безопасности Вернальи. Второй, практически его двойник, ледоколом пробивал себе путь параллельным курсом, но чуть левее. «Возможно, брат все же здесь», – подумал Йенси, а в следующее мгновение с ужасом понял, что охранники интересуются вовсе не Иштваном, а его собственной персоной.

Конечно же, у стороннего наблюдателя его поведение должно было вызвать подозрение: выбежал неизвестно откуда, сначала пытался пробиться ближе к трибуне, потом резко свернул в сторону и стал выбираться из толпы.

«О господи! Да они же решили, что я представляю угрозу».

Первый охранник постепенно приближался, второй оказался зажатым среди вошедших в экстаз сторонников Вернальи и продвигался медленнее. Однако, если он решительнее заработает локтями, Йенси быстро догонят, и, более того, в толпе найдется немало охотников помочь в поимке подозрительного типа. Главное – не паниковать раньше времени, делать вид, будто ничего не замечаешь. В этом случае, как надеялся Йенси, охранники не станут будоражить толпу, а будут медленно, но уверенно нагонять его.

Йенси продолжал двигаться вперед, стараясь выбирать наиболее свободные участки.

И тут он углядел свой шанс. В нескольких метрах от него возвышался монументального вида мужчина, а за ним виднелось относительно пустое пространство. Йенси пригнулся и ринулся к нему. Пробегая мимо, ударил мужчину по левой ноге и устремился в проход между митингующими. Он бежал изо всех сил, стараясь при этом не задевать и не толкать людей, чтобы не выдать свое местоположение. На бегу Йенси оглянулся и увидел, что мужчина, которого он ударил, топчется на месте и ощупывает ушибленное колено, преграждая путь преследователям.

Ему удалось преодолеть всего метра три, после чего толпа плотно сомкнулась, но Йенси надеялся, что этого окажется достаточно. Несколько секунд он просидел на корточках, не распрямляясь, потом рискнул, осторожно приподнялся и осмотрелся вокруг через плечо соседа. Засечь удалось только одного охранника. Тот стоял на месте и крутил головой в разные стороны в безуспешных попытках вычислить, куда скрылся беглец. Йенси продвинулся еще немного и заметил второго преследователя. Охранник прошел недалеко от Йенси и сейчас удалялся от трибуны с оратором, внимательно всматриваясь в окружающую толпу, однако оглянуться ему в голову не приходило.

Пригнувшись, Йенси продолжил резво пробираться сквозь плотные ряды оппозиционеров, но так, чтобы не привлечь внимания охранников. Вскоре он уже оказался на участке, где народу было не так много, а еще через минуту-другую благополучно выбрался из толпы и исчез в переулке.

До здания муниципалитета, где проходила пресс-конференция, было всего минуты три-четыре ходьбы. Вероятно, место для митинга оппозиционеры выбрали неслучайно и планировали, если удастся, помешать ходу пресс-конференции и попыткам властей приуменьшить значимость проблемы. По пути Йенси вдруг сообразил, что упустил из виду одну причину, по которой, возможно, стоило выбрать пресс-конференцию из всех вариантов.

Он вспомнил случай из детства, когда они с Иштваном, гуляя, увидели сверстников, играющих возле щели в стене купола и подзуживающих друг друга подойти ближе к опасному месту. Вспомнил также, как брат был заморожен этой трещиной, как он бросился к стене и до крови разбил о нее лоб. И сейчас пресс-конференцию собирали как раз из-за просачивания в купол метана. Связь, конечно, очень слабая, но это была единственная ниточка, соединяющая Иштвана с одним из четырех ключевых событий дня.

Сердце Йенси билось учащенно, он запыхался от всех этих перебежек, но не сбавлял скорости и наконец свернул на Луна-авеню.

Впереди, в нескольких сотнях футов, возвышалось здание муниципалитета. Здесь собралось значительно меньше народу, нежели на митинге оппозиционного кандидата: пожалуй, с сотню человек стояли на ступенях. При этом часть собравшихся смотрела на мужчину, отвечающего на вопросы журналистов, в то время как другие то и дело оглядывались в ту сторону, где шумел митинг.

Чтобы не возбуждать подозрений, Йенси перешел с бега на быстрый шаг, а потом и еще сбавил скорость. Подойдя ближе к ступеням, он остановился и прислушался к словам выступающего чиновника, члена муниципального совета Тима Фишера. Тот стоял, грозно нахмутив брови, а слева и справа от него с ничего не выражающими лицами возвышались охранники.

– Нет, муниципалитет не может позволить себе содержание нескольких бригад, которые будут постоянно переходить от одного купола к другому и обследовать их на предмет наличия повреждений. Нет-нет, это нереально.

Йенси кинул взгляд по сторонам. Брата вроде бы не было видно.

– Но как вы можете себе это не позволить? – обратился к Фишеру репортер, очевидно, тот же, который задал предыдущий вопрос.

Фишер и бровью не повел.

– Мы мало что можем здесь сделать, – произнес он с задумчивым видом. – У нас не безграничные финансовые возможности, и нам приходится расставлять приоритеты. Как известно большинству из присутствующих, у нас есть специальная команда в куполе, в котором мы с вами сейчас находимся. По нашему мнению, этот купол, как самый большой, наиболее важен.

Тем временем Йенси продолжал внимательно изучать толпу, уже спокойнее переводя взгляд с одного лица на другое.

– Кроме того, в этом куполе самый высокий доход на одного человека, – заметил один из журналистов.

– В данном случае это не имеет значения.

– В то время как более бедные купола власти, похоже, не интересуют, – подхватил другой репортер. – В этом все дело.

– Это, безусловно, досадный факт, – с соответствующим выражением лица произнес Фишер, – но нам приходится выбирать из двух зол. Мы рассчитываем на наших граждан, рассчитываем, что они дадут нам знать, если увидят какие-либо следы механического воздействия или иные признаки возможного повреждения купола. Вот тогда мы предпримем все усилия, для того чтобы в максимально короткие сроки устранить проблему. В данном конкретном случае вины муниципалитета нет. Виноваты граждане. Они должны были отреагировать оперативней.

Глухой разочарованный гул прокатился по толпе. Люди зашептались, и в это мгновение Йенси заметил брата. Иштван расположился на ступеньках лестницы, неподалеку от Фишера, и его едва было видно за крупногабаритной дамой средних лет. Он стоял с безмятежным видом, опустив голову, и не пошевелился даже тогда, когда люди рядом начали поворачиваться друг к другу и обсуждать услышанное от члена муниципального совета. Однако

по тому, как были напряжены плечи и шея брата, Йенси мог с уверенностью сказать, что тот готов в любую секунду распрямиться, словно взведенная пружина.

Иштван ждал знака, который укажет ему, когда настанет время и что нужно сделать. Он уже знал, в чем заключается его задача, они научили его, объяснили весь замысел, рассказали, что произойдет, когда он исполнит задуманное и как это будет забавно. Оставался лишь один вопрос: когда? И узнает он об этом не от них. Сам окружающий мир должен подать сигнал, должен продемонстрировать свой узор и подтолкнуть к действию.

Они внушили, что причин для сомнений нет. Перед ним поставлена задача, и как только он дожидается подходящего момента, то должен будет из всех сил рвануться вперед. Сейчас он уже почти видел узор, но тот еще не был закончен. Кое-чего в нем не хватало, некоторых деталей, линий. Отсутствовало ощущение целостности. И призрачный человек пока не показывался и не подавал голоса. Или же какой-то элемент общей картины находился не там, и его необходимо было вернуть на положенное место. Но в задачу Иштвана не входило исправить рисунок. Нет, задача заключалась в том, чтобы увидеть его и, как только это произойдет, услышать зов и выполнить предназначенное.

Он подождет. Будет ждать столько, сколько понадобится. Терпение и еще раз терпение.

Стоявший неподалеку на возвышении человек все говорил, отвечал на вопросы, но для Иштвана его слова не имели ни малейшего смысла. Он только притворялся, будто слушает, но на самом деле не слушал. Смотрел и ждал. Произносил про себя цифры, вызывал в памяти узор, вспоминал. Его внутренний голос тоже был пока неразборчив и едва слышен, однако, если узор не проявится в скором времени, он зазвучит все громче и громче.

И вот краешком глаза Иштван уловил едва заметное движение, рисунок скользнул на свое место, зажил собственной жизнью, а голос в его голове призывал выполнить задачу.

Йенси выбрался на свободное место и осторожно, чтобы не привлекать внимания, направился в обход толпы на противоположную сторону, к лестнице муниципалитета. Он пытался высмотреть других охранников, но пока никого не обнаружил: либо их больше не было, либо они были в штатском. Голова и плечи Иштвана теперь виднелись буквально в нескольких шагах.

«Надо просто добраться до него, – думал Йенси. – Если это удастся, я смогу отговорить его от того, что он задумал».

Но в эту самую секунду Иштван вдруг поднял голову и двинулся с места.

– Скажите, вы не думаете, что... – начала журналистка и осеклась, когда увидела, как Иштван стремительно рванул к подиуму.

Ближайшего охранника это тоже застигло врасплох, и, пока он вынимал руки из-за спины и соображал, как поступить, Иштван со всей силы врезал ему ботинком под колено. Даже на расстоянии, яростно пробираясь через толпу в попытке остановить брата, Йенси услышал отчетливый хруст сломанной кости.

Охранник рухнул с диким воплем. Его напарник кинулся на помощь и, сцепившись с Иштваном, пытался вытащить что-то из его руки. Кто-то в толпе закричал, и в один миг все бросились врассыпную с лестницы и дальше по улице. Йенси пытался сопротивляться, но его подхватило течением и понесло прочь. Затем развернуло и бросило на землю. Тут же кто-то больно-пребольно наступил на руку, следом другой человек споткнулся о него и кубарем покатился вниз по ступенькам. Наконец Йенси удалось подняться и оглядеться. Он увидел, как Иштван исхитрился ударить охранника головой в переносицу, тот покачнулся и упал. Член муниципального совета Фишер скрючился за подиумом и закрыл голову руками. Иштван развернулся и направил на Фишера тот предмет, который держал в руке. К своему ужасу, Йенси понял, что это пистолет.

В отчаянии он закричал:

– Иштван! Нет!

Но брат, похоже, не услышал. По лицу его блуждала странная улыбка – именно странная, в ней не было ни злобы, ни ненависти. Казалось, будто Иштван пошутил и теперь радуется своей шутке.

А потом он нажал на спусковой крючок, грохнул выстрел, и голова Тима Фишера взорвалась, забрызгав подиум кровью и мозгами. Пару секунд тело стояло, подергиваясь, потом все мышцы разом ослабели, и оно осело на лестницу. И тут же с лица Иштвана слетела улыбка, теперь он казался по-настоящему шокированным тем, что происходит вокруг. Он перевернул пистолет, поднес его вплотную к лицу и заглянул в ствол, будто надеялся найти там ответ на одолевающие его вопросы. Поднял голову и вдруг увидел брата. И похоже, на этот раз узнал.

– Это не та задача. Не моя, – чуть слышно пробормотал Иштван.

– Положи пистолет. Пожалуйста.

Но Иштван не выпустил оружие, а произнес умоляющим голосом:

– Братишка, помоги мне.

Йенси шагнул к нему, но было слишком поздно. Второй охранник Фишера очухался, вскочил и разъяренным медведем налетел на Иштвана, сбивая его с ног. Пистолет отлетел в сторону. Иштван даже не сопротивлялся, так что охранник прижал его голову к бетонной площадке и удерживал так, пока сноровисто стягивал гибкими наручниками сперва руки, а потом лодыжки. Йенси неподвижно стоял в стороне, наблюдая за происходящим, и сильнее всего ему врезалось в память не сходящее с лица брата растерянное, озадаченное выражение.

– Кто ты такой? – крикнул один из оставшихся поблизости журналистов, но Иштван не ответил.

Йенси решил было подойти, но охранник замахал рукой и, чтобы остановить его, достал пистолет и прицелился.

– Парень, если понадобится, я запакую тебя вместе с ним.

Второй охранник по-прежнему лежал и стонал, баюкая сломанную ногу.

– Зачем ты это сделал? – спросил не покинувший место трагедии мужчина, очевидно репортер.

– Эй, никаких съемок! – заорал, размахивая пистолетом, охранник, однако несколько человек уже снимали все происходящее на мобильники.

Вдруг Иштван заговорил. Он облизал губы и сказал так тихо, что Йенси со своего места едва его услышал:

– Моя задача... Нет, она не... Она неправильная.

– Что такое? – заинтересовался репортер. – Говори.

– Заткнись! – рявкнул охранник и пнул Иштвана ногой под ребра.

– Кто дал тебе эту задачу?

Этот вопрос задал уже Йенси.

– Они.

– Я же велел тебе заткнуться!

– Что ты хочешь сообщить всему миру? – надрывался репортер. – Сейчас все смотрят только на тебя. Что ты можешь нам сказать?

– Кто такие «они»? – спросил Йенси. – Кто дал тебе эту задачу?

– Они, – скривившись, повторил Иштван.

А еще через секунду лестницу заполонили спецназовцы в полной боевой экипировке, и Йенси мимолетно подумал, не их ли брат называл «они». Один из спецназовцев вырос перед Йенси и оттолкнул его к ступенькам, другие быстро выставили оцепление по периметру. Йенси попытался сопротивляться и через мгновение кубарем полетел с лестницы.

Сквозь частокол ног он на один миг увидел лицо Иштвана, все такое же изумленное, а потом на голову брату накинули плотный мешок и потащили прочь.

8

Новость об убийстве Фишера занимала людские умы буквально день-два, об этом много говорили по видео, а потом так же внезапно, как появились, разговоры умолкли. Йенси с трудом заставлял себя не думать о том, что их прекратили намеренно. Еще неделю-другую можно было отыскать видеозаписи с места трагедии – если очень хорошо постараться и покопаться в самых дальних уголках видеоархива. На них, впрочем, не попал сам момент убийства, поскольку Фишера скрывал от обзора подиум. Надо было, как Йенси, находиться по другую сторону, чтобы увидеть, как голова чиновника взрывается и разлетается кровавыми ошметками. Самому же Йенси больше запомнилось отнюдь не это, а замешательство, отразившееся на лице Иштвана уже в следующее мгновение после рокового выстрела. Замешательство и недоумение, не исчезнувшие и после того, как охранник повалил его и сковал руки и ноги.

Йенси бесконечно прокручивал запись, всматривался в нее до рези в глазах и все пытался понять, что же произошло. Вероятно, сразу после выстрела Иштван просто покинул свой иллюзорный мир и осознал, что все это реально: и кровь, и кусочки мозга на бетонной площадке. Может быть, он убедил самого себя, что выстрел из пистолета никого не убьет, а произведет другой эффект? Или же кто-то убедил его, что пистолет заряжен холостыми патронами, что он просто сделает «бах-бах» или не выстрелит вообще? Все дело в безумии Иштвана, или же его подставили?

И, что еще важнее, можно ли по записи что-то определить наверняка? После нескольких десятков просмотров Йенси решил, что нет. Вряд ли он когда-либо докопается до истинных причин того, что приключилось с братом. И все же Йенси не мог успокоиться и продолжал смотреть запись, продолжал надеяться, что уж на этот раз, замедлив скорость воспроизведения до минимума, он наконец разглядит то, чего прежде не замечал.

Генри появился вскоре после того, как спецназовцы увезли Иштвана. Йенси продолжал стоять рядом со зданием муниципалитета и пытался осознать, что здесь только что произошло.

– Я как увидел новости по видео, сразу помчался сюда, – запыхавшись от бега, сообщил Генри. – Мне очень жаль.

Если бы не верный друг, Йенси мог бы целую вечность простоять здесь, шокированный увиденным. Он безропотно позволил Генри обнять его за плечи и увести прочь с места убийства.

Вернувшись в свою квартиру, Йенси сразу завалился в постель и проспал как убитый без малого двадцать часов. Когда же проснулся, то увидел, что друг по-прежнему с ним рядом, спит на тахте. В следующее мгновение Генри почувствовал, что Йенси уже не спит, поднялся и приготовил товарищу поесть.

– Я расспрашивал о нем. Пытался узнать, как с ним собираются поступить.

Йенси безучастно кивнул:

– Его арестовали. Я был там. Все видел. Он застрелил человека. Что еще им оставалось?

Генри покачал головой:

– Иштвана увезли оттуда, но не арестовали.

– Что?

– Его нет ни в полицейском участке, ни в тех местах заключения, которые я смог обнаружить. Или, возможно, он все-таки там, но мне не стали об этом говорить. Тебе должно повезти больше, ты ведь его родственник.

Однако, когда Йенси в свою очередь начал выяснять судьбу брата, результат оказался таким же, то есть нулевым. В полицейском участке все делали вид, что впервые слышат об Иштване Сато. Ни в одну из тюрем специального купола для содержания преступников он также не поступал.

– Но где-то же он должен быть, – сказал Йенси представительнице тюремной службы по связям с общественностью.

– Безусловно, где-то он должен быть, но у нас его нет, – недовольным тоном произнесла она и разъединилась.

Они предприняли еще одну попытку. Генри позвонил отцу и уговорил его порасспрашивать знакомого, служащего в полиции. Выяснилось, что действительно спецназовцы доставили в участок мужчину с закованными руками и ногами, с мешком на голове, но там он не задержался – почти сразу же его увезли в другое место. Знакомый полицейский не знал, куда его отправили и почему. Он пояснил отцу Генри, что это экстраординарный случай. Еще он обещал осторожно, чтобы не возбудить подозрений, позадавать вопросы, попытаться прояснить судьбу Иштвана.

Что еще можно предпринять, друзья уже не знали. Некоторое время они сидели молча в поисках новых идей, как выяснить местонахождение Иштвана.

– Может быть, его убили, – нарушил наконец молчание Йенси. Не дождался реакции друга и нервно произнес: – Ну скажи что-нибудь. Его убили, да?

Генри в задумчивости покачал головой.

– Я так не думаю. Для полиции это было бы не самое умное решение, особенно если учесть, что еще сохранились видеозаписи.

– Но, похоже, кто-то пытается их уничтожить.

– Ну, все записи уничтожить не удастся. Никто ведь не знает, сколько их у частных лиц. Это может выйти им боком. Не в интересах властей убивать человека, если только они не уверены, что он им больше не понадобится. А я не думаю, что это можно знать заранее.

– Но все же есть вероятность, что его убили? Скажи.

Генри кивнул:

– Да, такое возможно.

На работе Йенси взял больничный. Он снова без конца прокручивал видеозаписи, все пытался отыскать какую-нибудь зацепку, которая помогла бы разобраться в произошедшем. Если бы только он сумел тогда задержать Иштвана у себя дома! Возможно, не вымотайся он так на работе, ему бы это удалось. А может быть, и нет... Или нужно было хотя бы задать брату побольше вопросов, вытянуть из него все, узнать, что он имел в виду. Тогда, даже если бы Йенси не уговорил Иштвана остаться, он мог бы узнать, в чем же заключается эта таинственная «задача» и кто такие «они».

Пришел отец Генри, но хороших новостей не принес. Его источник в полиции не смог ничего разведать. Создавалось впечатление, что никто ровным счетом ничего не знает; правда, было очевидно, что в деле замешаны чиновники самого высокого ранга. Еще отец друга добавил, что, возможно, Иштвана вообще нет на планете.

– Нет на планете? Но как же тогда его будут судить?

Отец Генри помолчал и наконец ответил:

– Никак. Вероятно, суда вообще не будет.

– Что вы хотите этим сказать?

– Он политический преступник. Враг государства. К нему не применимы обычные законы.

– Но закон один для всех, – заявил Йенси.

Отец Генри крепко сжал его плечо:

– Парень, ты уже довольно взрослый и вряд ли в самом деле веришь в то, что сказал. Твоего брата увезли в какое-то секретное место, туда, где законы не действуют. Там из него под пытками вытянут все, что им потребуется; он расскажет об этом убийстве всю правду и неправду. А потом его упрячут за решетку в богом забытом уголке. – Он с сожалением взглянул на Йенси и прибавил: – Скорее всего, ты никогда больше не увидишь своего брата.

И все же, несмотря на это, Йенси не оставлял попыток выяснить судьбу Иштвана. Он снова отправился в полицейский участок, снова спрашивал о брате, а когда ему велели убираться и заявили, что Иштвана у них никогда не было, молча отправился домой, но на следующий день пришел опять. Так он продолжал ходить каждый день, всякий раз его разворачивали обратно, пока наконец не сказали, что не желают его здесь больше видеть. Йенси удалось пробиться к начальнику полиции, который повторил то же самое: дескать, он знать не знает о том, что могло случиться с Иштваном, и вообще полиция не имеет ко всему этому никакого отношения. Но, по крайней мере, не прогнал его. Когда Йенси закончил свой рассказ и главный полицейский начальник в ответ лишь покачал головой, он спросил:

– И с кем еще я могу поговорить?

Начальник полиции с радостью отправил его к суперинтенданту, лишь бы избавиться от назойливого посетителя. И для Йенси началась беготня, которой, казалось, не будет конца: политики отсылали его к военным, а те направляли обратно. Так бы он и мотался туда-сюда, если бы не попал однажды на прием к члену муниципального совета Ричарду Сэвиджу. Тот внимательно посмотрел на визитера и попросил рассказать историю об исчезновении брата еще раз и проникся к нему сочувствием.

– У вас есть адвокат? – спросил Сэвидж, а когда Йенси помотал головой, добавил: – Если у вас будет адвокат, он, возможно, сумеет хотя бы частично преодолеть эти бюрократические препоны.

Йенси не мог позволить себе такие расходы, однако ему удалось найти одного независимого адвоката по имени Ли Томкинс, которого больше заинтересовала политическая подоплека дела, нежели возможность что-нибудь на этом заработать. Но даже с ним Йенси пришлось еще побегать и столкнуться с полным равнодушием к своей проблеме, пока наконец они с Томкинсом не оказались в кабинете большого военного чиновника Грэнона.

– Какова цель вашего визита? – спросил Грэнон.

У него были светло-серые пронизательные глаза, которые, казалось, видят собеседника насквозь, и каменное лицо без малейших признаков эмоций.

– Вам это прекрасно известно, – заявил Томкинс и начал доставать из портфеля многочисленные документы с подписями и печатями. Разложил их на столе перед Грэноном и, когда тот даже не соизволил посмотреть, продолжил: – Мы четко следовали регламенту, сделали все, что положено по закону, и теперь вы должны сообщить, где находится брат моего клиента.

– Это закрытые сведения.

– У нас есть все необходимые документы. Вы не имеете права препятствовать нам в получении информации.

– Я не препятствую. Просто я не имею права отвечать на ваш вопрос. – Грэнон откинулся на спинку кресла и сцепил пальцы. – Я могу допустить, что его брат находится у нас. Но он политический заключенный.

– Мой брат не имеет никакого отношения к политике, – твердо заявил Йенси.

Грэнон равнодушно пожал плечами:

– Он застрелил государственного чиновника во время публичного мероприятия. Это политика.

– Но это просто недоразумение. Он немного не в себе и не осознавал, что делает. Ему нельзя находиться в тюрьме. Его нужно поместить туда, где ему могут оказать помощь.

– Он не в тюрьме, а в специальном заведении для преступников.

– Где?

– Я не могу этого сказать. Информация засекречена.

– Какое вы имеете право хватать человека без суда и следствия и прятать в каком-то изоляторе, так что родственникам ничего не известно о его судьбе?

Грэнон хранил молчание.

– Он не на планете?

– Я не могу ответить на ваш вопрос.

– А что вы вообще можете ответить?

– Я могу сообщить, что ваш брат находится у нас. Могу сказать, что он жив. Могу также добавить, что вам не стоит рассчитывать на его скорое освобождение. Возможно, он никогда не выйдет на свободу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.